

И. М. Дьяконов

РАБЫ, ИЛОТЫ И КРЕПОСТНЫЕ В РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ*

I

НАСТОЯЩАЯ работа ставит себе целью точнее определить характер эксплуатации непосредственных производителей материальных благ в ранней древности. Как известно, вопрос этот за последние годы широко дебатруется не только у нас, но и за рубежом¹.

Для того чтобы непосредственно подойти к интересующей нас в данном случае проблеме, целесообразно в самых кратких чертах напомнить читателю те выводы, к которым мы пришли, рассматривая структуру обществ ранней древности в предшествующих работах².

* Автор выражает сердечную благодарность А. А. Вайману, Г. Ф. Ильину, Ю. В. Андрееву, прочитавшим первоначальный вариант статьи в рукописи и сделавшим ряд важных замечаний, а также всем участникам обсуждения статьи в Ленинградском Отделении Института востоковедения АН СССР, в особенности В. А. Якобсону.

¹ Здесь нет возможности полностью перечислить всю обширную литературу; назову лишь книги 70-х годов, где читатель найдет необходимые дальнейшие ссылки: М. М. С л о н и м с к и й, Периодизация древней истории в советской историографии, Воронеж, 1970; «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока», сб. под ред. В. Н. Никифорова, М., 1971; «Gesellschaftsklassen im alten Zweistromland und in angrenzenden Gebieten — XVIII. Rencontre assyriologique internationale, München... 1970», BAW, Ph.-hist. Kl., Abh. NF 75, München, 1972. Настоящая работа стала возможной потому лишь, что в нашей литературе положению рабов — и «в узком» и «в широком» смысле слова — посвящены многочисленные исследования, перечислить которые здесь нет возможности (например, по Ближнему Востоку — работы В. В. Струве, А. И. Тюменева, И. М. Лурье, О. Д. Берлева, М. А. Дандамаева и мн. др.). К сожалению, с другой стороны, приходится отметить такие удивительные явления, как издание массовым тиражом книги В. А. Белявского «Вавилон легендарный и Вавилон исторический» (М., Изд-во «Мысль», 1971), в которой автор не стесняется п р и д у м ы в а т ь содержание некоторых документов и с о ч и н я т ь ссылки на несуществующие источники.

² См. И. М. Дьяконов, Община на древнем Востоке в работах советских исследователей, ВДИ, 1963, № 1, стр. 16—34; о н ж е, Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии, НАА, 1966, № 1, стр. 44—58; о н ж е, Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., ВДИ, 1968, № 4, стр. 13—35; о н ж е, Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. [I], ВДИ, 1968, № 3, стр. 3—27; [II], ВДИ, 1968, № 4, стр. 3—40; С. Л. У т ч е н к о и И. М. Дьяконов, Социальная стратификация древнего общества, XX Международный конгресс историков, [Доклады советской делегации, препринт], М., 1971; I. M. D i a k o n o f f, Die hethitische Gesellschaft, MIO, XIII, 3, 1967, стр. 313—365; о н ж е, On the Structure of Old Babylonian Society, BSSAV, стр. 15—31; о н ж е, Socio-economic Classes in Babylonia and the Babylonian Concept of Social Stratification, BAW, Ph.-hist. Kl. Abh. NF 75, München, 1972, стр. 41—52.

Рассматривая общество древнего Ближнего Востока, мы должны различать, с одной стороны, то социальное и идеологическое расслоение населения в соответствии с гражданским статусом, которое воспринимали и формулировали сами древние, а с другой — объективно существовавшее социально-экономическое разделение на классы. Термин «классы» принимается нами в общепринятом смысле больших групп людей, каждая из которых занимает определенное место в системе общественного производства и которые противостоят друг другу по своему отношению к собственности на средства производства и по способу приобретения (или лишения) доли в общественном богатстве, равно как по размерам этой доли.

Для того чтобы правильно понять стратификацию древневосточного общества, историк должен прежде всего разобраться в проблеме собственности, поскольку отношение к собственности в значительной мере определяло не только объективное социально-экономическое расслоение общества, но и гражданский статус людей в соответствии с воззрениями и пониманием самих древних.

Нам уже приходилось отмечать, что древние правоведы и политические мыслители в теории обычно еще не делали разницы между публично-правовыми функциями государства или государя в качестве суверена (*dominium eminens*) и частноправовыми функциями его в качестве собственника (*dominium directum*), однако лишь в средневековых обществах эти два аспекта функций государя действительно совпадали; что же касается древности, то старая теория собственности государя на всю землю его государства сейчас приходит в столкновение с фактами и с современными воззрениями на собственность и суверенитет. Мы знаем, что на практике суверенитет и собственность государства в древности не совпадали, так как древневосточные государя и государства могли отчуждать землю, не теряя на нее суверенитета (главным образом путем дарения; факты известны из Элама, Вавилонии, Хеттского царства, Угарита и т. п.), а также приобретать землю в собственность у своих подданных, т. е. такую землю, на которую и раньше распространялся их суверенитет (это известно из «номовых» государств Шумера, из Аккадской державы, Ассирии, Израильского царства и т. п.). Таким образом, если исходить из современных научных концепций, надо прийти к убеждению, что едва ли вообще какое-либо древнее государство, включая и восточные царства, обладало собственностью на всю землю в пределах своей территории. Парадигматическими примерами существования собственности короны (или храма) на всю землю в пределах государства считались шумерские «номовые» государства середины III тыс. до н. э. (на основании работ А. Шнейдер, А. Даймеля, А. Фалькенштейна и др.)³, а также хурритское государство Аррапха середины II тыс. до н. э. (на основании работ П. Кошакера, Э. А. Спейзера, Х. Леви, Ф. Р. Стила и П. М. Пёрвза)⁴. Однако в дальнейшем был отмечен факт, что сделки купли-продажи земли в шумерских «номовых» государствах являются доказательством существования и внехрамовой, «частной» земли (в смысле нахождения ее в собствен-

³ A. Schneider, Die sumerische Tempelstadt, Essen a. d. R., 1920; A. Deymel, Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger, AnOr 2, 1931; A. Falkenstein, La cité-temple sumérienne, CHM, I, 4, 1954, стр. 792 слл. Эта же точка зрения была принята, например, в работах П. Кошакера, Р. Лабата, Х. Шмёкеля и многих других на Западе, В. В. Струве и В. И. Авдиева в СССР, а также во множестве общих работ по истории.

⁴ P. Koschaker, Neue keilschriftliche Rechtsurkunden aus der el-Amarna-Zeit, SAW, Phil.-hist. Kl., Abh. XXXIX, 5, Lpz, 1928; E. A. Speiser, New Kikkuk Documents Relating to Family Law, AASOR X, 1930, стр. 8 слл.; H. Lewy, The Nuzian Feudal System, Or. 11, 1942, стр. 1—40, 209—250, 297—349; F. R. Steell, Nuzi Real Estate Transactions, New Haven, 1943; P. M. Purves, Commentary on Nuzi Real Estate in the Light of Recent Studies, JNES, IV, 2, 1945, стр. 68 слл.

ности не государства — в виде ли царского, в виде ли храмового хозяйства, — а семейных и территориальных общин, т. е. гражданских организаций, не управляемых из храма или дворца)⁵. Сейчас этот вывод может считаться принятым едва ли не большинством ассириологов⁶. Точно так же Н. Б. Янковская⁷ привела, с моей точки зрения, совершенно недвусмысленные доказательства того, что принципиальная неотчуждаемость земли в Аррахе и своеобразные способы ее передачи путем квазиусыновлений объясняются не верховной собственностью царя на землю, а семейно-общинной собственностью; царская администрация совершенно не вмешивалась в вопросы передачи земли в пределах существовавших общинных структур.

Отказавшись от концепции собственности государства-храма на всю землю в шумерский период истории Месопотамии, а также в ее периферийных областях, некоторые ученые, однако, продолжают придерживаться той же концепции для собственно Вавилонии начала II тыс. до н. э.⁸, благо для этого времени нет документов, которые прямо указывали бы либо на отчуждение государством земли без утери на нее суверенитета, либо на приобретение государством земли у своих подданных. Однако есть множество фактов, которые указывают на существование собственности на землю вне государственного фонда и в это время, при этом, по-видимому, именно коллективной (общинной) собственности, и эти факты необходимо как-то объяснить, прежде чем утверждать, что такой собственности в старовавилонское время не было.

⁵ И. М. Дьяконов, О площади и составе населения шумерского «города-государства», ВДИ, 1950, № 2, стр. 92, 93; о н же, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер, М., 1959 (далее — ОГСДШ), стр. 81—118; о н же, Проблемы экономики [I], ВДИ, 1968, № 3, стр. 3 слл. С этой точкой зрения согласились А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М.—Л., 1956 (далее — ГХДШ), стр. 169, и (косвенно) В. В. Струве, Община, храм и дворец, ВДИ, 1963, № 3, стр. 11—34. За рубежом на важность этих аргументов впервые обратила внимание австралийская исследовательница Ф. И. Андерсен (F. I. Andersen, The Early Sumerian City-State in Recent Soviet Historiography, «Abr Nahrain», I (1959—60), стр. 56, 61), но и независимо от советских работ о сосуществовании государственного и частного начала в Месопотамии писал, например, А. Л. Оппенгейм (A. L. Oppenheim, A Bird's Eye View of Mesopotamian Economic History, в кн. «Trade and Market in the Early Empires», ed. K. Polanyi, Glencoe, Ill., 1957, стр. 27—37); впрочем, применительно к послешумерскому периоду существование частного земледелия и раньше обычно не отрицалось, хотя почему-то никто не задавался вопросом, откуда оно ваялось. По отношению же к Шумеру вывод о существовании в нем двух экономических секторов был — отчасти независимо, отчасти после наших работ — принят зарубежными исследователями — И. Е. Гельбом (I. J. Gelb, Social Stratification in the Old Akkadian Period, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», I, М., 1962, стр. 225 сл.), С. Н. Крамером (по устному сообщению) и другими, хотя истолковывался несколько иначе, чем нами, см. выступление Гельба на XVIII Международной ассириологической встрече 1970 г. (BAW, Ph.-hist. Kl. Abh. NF 75, стр. 50), а также ср. следующее примечание.

⁶ См. M. Liverani, рец. на «Ancient Mesopotamia», ed. I. M. Diakonoff, «Oriens Antiquus», XI, 3, 1972, стр. 228—229.

⁷ См. резюме ряда ее работ начиная с 1957 г. в статье: N. B. Jankovska, Extended Family Commune and Civil Self-Government in Arrapha, «Ancient Mesopotamia», ed. I. M. Diakonoff, Moscow, 1969, стр. 235—252; о н а же, Communal Self-Government and the King of the State of Arrapha, JESHO, XII, III, 1968, стр. 233—282.

⁸ См. выступление И. Е. Гельба и И. Ренгера (XVIII Rencontre assyriologique internationale, BAW, Ph.-hist. Kl. Abh. NF 75, стр. 50, 90 и 168, прим. 4). Иначе смотрит на этот вопрос Д. О. Эдцард (D. O. Edzard, Die «Zweite Zwischenzeit» Babylonien, Wiesbaden, 1957, стр. 4—6 и прим. 20), не указывая, впрочем, на ограниченность частной собственности на землю принадлежность собственника к системе общинных структур. Впрочем, если я правильно понимаю, и Гельб возражал в 1970 г. не столько против существования частных хозяйств, сколько против существования особого общинно-частного сектора, не обнимаемого верховной собственностью (храма или дворца).

Основная причина живучести концепции всеобъемлющего царского земельного фонда та же, что в свое время для Шумера III тыс. до н. э., — абберрация, создаваемая односторонним характером сохранившихся архивов (это — либо храмовые, либо дворцовые архивы, либо архивы служащих)⁹. Так, полемизируя в чрезвычайно интересной статье с нашими выводами о наличии в Вавилонии общинной частной земли за пределами государственного фонда, И. Ренгер смешивает *eqlum dūrum* «вечное поле» (поле-собственность)¹⁰ с *šibtum labirum* «давним (в том числе и условным) держанием» надела государственной земли, фактически из поколения в поколение переходившего от отца к сыну в одной семье служащих дворца¹¹. Но если бы *eqlum dūrum* было обычным условным держанием, отличавшимся лишь тем, что оно длительное время находилось в распоряжении одной и той же семьи, то нарушение владения вызвало бы обычные для условных держаний административно-правовые последствия, хорошо известные по переписке Хаммурапи, что в данном случае не имеет места. При этом Ренгер ошибается, полагая, что упоминание *eqlum dūrum* является единственным аргументом в пользу существования внедворцового фонда земли. Так, имеется ряд случаев покупки земли (на юге страны — только финиковых плантаций, на севере — и полей)¹² без указания на то, чтобы земля, которая отчуждается, была связана с какой-либо службой; не упоминается даже какой-либо должности или профессии продавцов; между тем эта профессия не могла бы быть безразличной для сделки, если бы покупалась земля, связанная с обязанностью нести какую-то определенную службу на дворец или храм. При этом во множестве случаев в качестве продавца земли выступает коллектив лиц, не обозначенных по профессии; хотя родство отдельных продавцов между собой прямо и не всегда указывается, наличие коллективного собственника земли, совершенно не типичное для государственного сектора, само по себе показательное, особенно поскольку речь идет о небольших отчужденных участках. Кроме того, на существование частной земли вне государственного земельного фонда прямо указывают § 71 и 39 Законов Хаммурапи; последний особенно недвусмыслен в контексте соседних § 38 и 40, говорящих об условиях отчуждения наделов земли из государственного фонда. Но и согласно § 40 — кто бы мог покупать служебные наделы у царских должностных лиц, если бы не было лиц, не входивших в состав царского и храмового персонала? Ведь такие

⁹ Естественно, что в крестьянских семейных общинах никакого письменного учета не велось, а купля земли (особенно полей) была, по-видимому, запрещена в большинстве государств Нижней Месопотамии конца III — начала II тыс. до н. э. Все дошедшие до нас правовые и хозяйственные документы происходят из более или менее крупных городов; о связи городского населения со службой на дворец или храм см. пока D. J. A. K. O. n. o. f. f., *Economy of the Ancient Oriental City* (Western Asia, 3rd-2nd millennia B. C.), V International Congress of Economic History, Leningrad... 1970 [preprint], Moscow, 1970; о н же, *On the Structure...*, стр. 28—29; о н же, *Socio-economic classes...*, BAW, Ph.-hist. Kl., Abh. NF 75, стр. 46—47.

¹⁰ См. письмо № 16 в издании F. R. K. g. a. u. s., *Briefe aus dem Archive des Šamaš-ḥāzir* (ABB IV), Leiden, 1968 и ср. № 40, а также комментарии к нему в статье: И. М. Дьяконов, *Muškenum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммурапи, «Еос», XLVIII, 1, 1956, стр. 51 сл., 59 сл.

¹¹ См. K. g. a. u. s., ABB IV, № 43, ср. № 48, 50; BB, № 54; ср. *bit abim* (*labirum*) с тем же значением: K. g. a. u. s., ABB IV, № 51, 54, 64 и ср. 24, 33.

¹² Оставляя в стороне финиковые плантации и огороды, отметим случаи продажи собственно полей, не отмеченных как служебные, только по изданию HG: IV, 951, 953—956, 958—960 (Дильбат); 957, 961, 962, 964, 967?; V, 1142, 1145—1147; VI, 1597—1599, 1623, 1625—1627 (Сиппар); VI, 1581, 1587—1592 (Марад или Казаллу); 1582, 1593, 1596 (Кивш?); 1594, 1595, 1606, 1612, 1621 (Ларса). В том числе в документах 955, 957, 961, 967, 1145, 1147, 1582, 1587, 1594, 1606 и 1621 (около 30%) продавцы — семейные группы. Процент групповых продавцов при купле плантаций и огородов едва ли не больше.

наделы отчуждались только под условием принятия на себя соответственной службы приобретателем, а нести две или более служб одной индивидуальной семье было бы крайне обременительно, и это могло иметь место лишь в отдельных исключительных случаях, что видно и из переписки Хаммурахи с Шамашхазиром (письма № 64, 73). Еще реже могли бы приобретать такие наделы работники государственных хозяйств, занятые физическим трудом (*nāši biltim, iššakkum* и т. п.): есть основания полагать, что они обрабатывали свои «пайковые» наделы на исполных началах и, стало быть, лишь в редчайших случаях могли накопить избыточные средства для покупки дополнительной земли, да еще обремененной службой.

На наличие двойного рода титулов на земельное владение указывает и существование различной подсудности земельных дел: 1) суду, выделяемому из совета старейшин или народного собрания, 2) суду или административному распоряжению царя либо царского чиновника; 3) совместной сессии общинного суда и царского чиновника¹³.

Наконец, зададимся вопросом: откуда бралась такая категория, довольно распространенная не только в старовавилонский период, но и при III династии Ура и даже раньше, как наемные сельскохозяйственные работники (*lú-huġ-(g)á, guriš-huġ-(g)á, agrum*)? Из § 253 ЗХ видно, что ими становились *awilum*'ы (хороший довод против определения *awilum*'ов как «знати, дворянства» (Ф. Р. Краус) или как «верхушки царских служащих»!). Очевидно, в данном случае это были свободные, но обедневшие полноправные граждане-общинники; внаем сдавались также патриархально-зависимые члены их семьи и рабы¹⁴. Трудно представить себе, чтобы в наемные работники царская или храмовая администрация отпускала свой собственный персонал или членов его семей (тем более, что никаких указаний на профессию или должность наемника или на разрешение царской администрации на сделку в документах не делается), и попытка акад. В. В. Струве доказать возможность именно такого решения вопроса¹⁵ не была никем поддержана.

Таким образом, стремление отстаивать идею верховной собственности государства на всю землю если не для III, то хотя бы II тыс. до н. э. кажется нам обреченной на неудачу.

Однако, говоря о том, что далеко не вся земля в древней Месопотамии (и вообще Передней Азии) являлась собственностью государства, не следует

¹³ Об административной практике по делам нарушения условного владения царской землей и об отличии этой практики от судебного рассмотрения дел касательно «вечной земли» (что не учтено, например, И. Ренгером) см. Diakonoff, On the Structure..., стр. 22—23; он же, Muskenum..., стр. 51—52. Большой материал о судоустройстве старовавилонского периода собран в кн. A. Walthers, Das altbabylonische Gerichtswesen, Lpz, 1917; однако этот материал не сгруппирован по отдельным городам и царствам (где могли существовать неодинаковые порядки), а главное, автор не обращал внимание на характер рассматриваемых дел; и социальное положение тяжущихся, поэтому вопрос юрисдикции различных видов суда (советы старейшин, царских судей и др.) подлежит новому специальному рассмотрению.

¹⁴ Н. Kiengele, Soziale Aspekte der altbabylonischen Dienstmiete, BSAV, 1971, стр. 40—44.

¹⁵ В. В. Струве, Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье III тыс. до н. э., ВДИ, 1948, № 2, стр. 29 сл.; А. И. Тюменев, К вопросу о наемном труде в царском хозяйстве III династии Ура, ВДИ, 1950, № 1, стр. 48 сл.; Дьяконов, ОГСДШ, стр. 250, прим. 6; I. J. Gelb, The Ancient Mesopotamian Ration System, JNES, XXIV, 3, 1965, стр. 230 сл. В старовавилонское время (Kiengele, ук. соч.) и царские служащие могли сдавать внаем своих патриархально-зависимых лиц и рабов, но те (кому бы они ни принадлежали) ни могли сдавать себя внаем сами по своей воле, т. е. иначе как через своих глав семьи, господ или администрацию. Между тем в документах о найме работников при III династии Ура никаких посредников между нанимателем (царским хозяйством) и нанимающимся («сдающим внаем самого себя») нет.

впадать и в обратную крайность, преувеличивая важность частной собственности граждан. Необходимо подчеркнуть, что ни одно древнее общество, ни в Европе, ни в Азии, вплоть до позднего этапа древности, не знало частной собственности на землю в современном смысле слова: частный хозяин был лишь участником в общей собственности и само его право собственности на землю было обусловлено его принадлежностью к общинной организации¹⁶. Но тем более не являлся собственником обрабатываемой им земли государственный или храмовый служащий, державший дворцовую или храмовую землю в прекарном владении, под условием выполнения им службы (или производства им материальных благ) в пользу государства¹⁷.

Все ближневосточные общества III — II тыс. до н. э. имели, таким образом, два отдельных экономических сектора: государственный и общинно-частный; в различных обществах количественное и качественное соотношение этих секторов было различным. Мы применяем здесь термин «государственный сектор» условно: некоторые хозяйства крупнейших вельмож (например, в Египте, у хеттов) мало отличались по своему экономическому механизму от дворцового или храмового хозяйства. Не следует также забывать, что в ряде случаев дворцовое или храмовое хозяйство принадлежало не государю, а возглавляемой им территориальной общине, и в то же время, что и в пределах дворцово-храмового земельного фонда могли вестись чисто частные хозяйства членов персонала, хотя и

¹⁶ Дьяконов, Проблемы экономики [II], ВДИ, 1968, № 3, стр. 3 сл.; V. A. Jacobson, Some Problems Connected with the Rise of Landed Property, BSSAV, стр. 33—37. С этим связана длительно сохраняющаяся тенденция препятствовать безвозвратной отчуждаемости частной (= общинной) земли и периодические возвраты «проданной» земли в род продавцов. Именно по этой причине первыми приобретателями безвозвратно отчуждаемой земли практически могли быть лишь правители и близкие к ним лица, а сами также сделки фиксировались в виде сводных (и не датированных!) документов на материале долговечном (камен!) или магической особом (статуи, имитации жертв фундаменту) — так в течение всего III тыс. до н. э.

¹⁷ Дьяконов, Проблемы экономики [II], ВДИ, 1968, № 4, стр. 6—18. По-видимому, помимо расхождений, обусловленных различной философией истории, источником взаимного непонимания между советскими учеными и очень близко подошедшим к их точке зрения И. Е. Гельбом является неоднородность имеющихся в распоряжении разноязычных исследователей терминологических средств, наличных в языке. В русском языке слово «собственность» (соответствующее римскому *dominium*, точнее, *dominium directum*) лучше всего определяется как абсолютная (экономическая и правовая) возможность исключения по своей воле и в своих интересах всякого не-собственника от владения, пользования и распоряжения объектом; следовательно, не только аренда, но даже и эфитевзис не покрывается понятием «собственность». Напротив, в английском языке существует понятие *property*,⁸ определяемое как «обеспеченная государством возможность исключить не-собственника от всякого пользования объектом иначе как с согласия собственника, которое может быть, при его желании, предоставлено за плату». Такое определение не совпадает с нашим определением собственности, так как в категорию *property* по-английски оказывается включенной и аренда (*leasehold*, входящая с XVI в. в понятие *personal property*, хотя и не в понятие *real property*, что ближе соответствует нашему понятию недвижимой собственности). Говоря о том, что эксплуатируемые работники древности — как «типа I», так и «типа II» — не имели собственности на средства производства, мы имеем в виду (в той мере, в какой это касается земли) только *real property*; впрочем, держание земли в качестве вознаграждения за службу или труд и не обусловленное каким-либо формализованным договором вряд ли может подойти даже и под английское понятие *personal property*. Если сопоставлять характер собственности на древнем Востоке с понятиями римского права, то, по-видимому, отдельное лицо здесь вообще никогда не имело *dominium directum*, всегда принадлежавшее либо государству («богу», «дворцу») и т. п., но не на всю территорию государства, а лишь на собственно государственной фонд), либо той или иной общинной структуре; член последней имел в таком случае *dominium utile*; что же касается лица, находившегося в патриархальной власти «бога» или «дворца», то он вообще не имел *dominium* на землю, скот и орудия в пределах государственного фонда, но только *rescium*, разве что он обладал ими на стороне, что практически по большей части означало — в пределах общинных структур.

обладавших не собственностью на землю, а лишь правом владения под условием службы или работы на дворец или храм.

На фоне такой именно ситуации в области отношений собственности в изучаемую нами эпоху нам предстоит теперь рассмотреть вопрос о характере эксплуатации непосредственных производителей материальных благ в обществах ранней древности. Мы рассмотрим проблему прежде всего на близком специальность автора настоящей статьи материале древней Месопотамии. При этом, хотя мы ясно сознаем все огромное разнообразие отдельных обществ ранней древности в Европе, Африке и Азии, нам представляется, что при всем том проблема непосредственных производителей материальных благ во всех случаях решается для этой эпохи однородным образом; почему — к этому мы вернемся несколько ниже.

II

Хотя положение о двух различных типах эксплуатируемых подневольных работников в ранней древности менее отчетливо формулировалось уже и ранее, вполне четко это положение впервые сформулировал И. Е. Гельб¹⁸. Различая два неодинаковых типа эксплуатируемых подневольных работников, Гельб обозначает их как *slaves* и *serfs*. Термин *slaves* означает «рабы»; с юридической точки зрения как «рабы» (*slaves*) обозначаются люди, являющиеся лишь объектом, а не субъектом права (если не считать отдельных правовых пережитков) и при этом представляющие собой собственность других лиц (физических или юридических, например государства). Сложнее обстоит дело с дефиницией термина *serf*; обычно¹⁹ этот термин в английском языке соответствует тому, что в советской науке называется феодально-зависимым крестьянином. Однако в свое определение древневосточного *serf* Гельб вводит признак прикрепления к земле (*glebae adscriptus*); таким образом, в данном конкретном случае Гельб противопоставляет «рабу» (*slave*) не феодально-зависимого крестьянина, а специально «крепостного», что и следует иметь в виду при употреблении им термина *serf*.

Для понимания дальнейшего надо заметить, что учеными нашей историко-материалистической школы термины «раб» и «крепостной» применяются в двояком смысле. Первый смысл — юридический и совпадающий со словоупотреблением западных школ историков; а именно, в этом смысле под «рабом» (*slave*) разумеется лицо, являющееся объектом, но не субъектом права и представляющее собой собственность другого, физического или юридического лица; под «крепостным» (*glebae adscriptus*, или *serf* по дефиниции Гельба) разумеется лицо, лишенное права свободного передвижения путем его прикрепления к земле, находящееся в личной зависимости от господина и обязанное отдавать ему часть продукции. Легко видеть, что при таком определении «раб» и «крепостной» вовсе не

¹⁸ I. J. Gelb, *From Freedom to Slavery*, BAW, Ph.-hist. Kl., Abh. NF 75, München, 1972, стр. 87. Ср. Дьяконов, ОГСДШ, стр. 118 и др. Гельб четче, чем я, различает бинарный характер эксплуатируемого класса древневосточного общества, но в отличие от меня недостаточно ясно видит бинарный характер и его господствующего класса; в обоих случаях, однако, эта двойственность обусловлена одним и тем же — наличием двух экономических секторов в обществе. Следует подчеркнуть, что различие между царскими служащими и обвинниками-гражданами ни в коем случае не было в Передней Азии III—II тыс. до н. э. неизменяемым сословным различием, поскольку царский служащий мог одновременно быть и собственником-общинником; известны случаи, когда в одной семье два брата были *awīlū*, а третий был *muškēnum* (R. Frankena apud M. Astour, *The Merchant Class of Ugarit*, BAW Ph.-hist. Kl., Abh. NF 75, стр. 22, прим. 153).

¹⁹ См., например, *Encyclopaedia Britannica*, 1972, s. v.

противостоят друг другу ²⁰, и мыслимо совмещение «раба» и «крепостного» в одном лице; действительно, вполне возможно лицо, являющееся объектом, но не субъектом права и в то же время прикрепленное к земле; представляющее собой собственность другого лица (что является лишь одним из видов личной зависимости), но обязанное отдавать господину не всю продукцию (из которой господин затем уже выделяет ему паек), а часть продукции, оставляя себе остальную часть вместо пайка.

В то же время термины «раб» и (реже) «крепостной» употребляются учеными нашей историко-материалистической школы и в другом смысле. Дело в том, что историки этой школы, подходя к вопросу не с юридической, а с экономической точки зрения, считают, что для древних обществ наиболее характерна эксплуатация непосредственных производителей материальных благ, совершенно лишенных собственности на средства производства и принуждаемых к труду внеэкономическими средствами, а для средневековых обществ наиболее характерна эксплуатация непосредственных производителей материальных благ, не вовсе лишенных собственности на средства производства.

В. А. Якобсон справедливо указал автору настоящей статьи на то, что, говоря о внеэкономическом принуждении эксплуатируемых работников господствующим классом, с одной стороны, в древнем, а с другой — в средневековом обществе, мы в действительности имеем в виду не совсем одно и то же. Эксплуатируемый работник древнего общества принуждается к труду прямым насилием господствующего класса: если не применять к нему такого насилия, он легко волеется в общинные структуры, объединяющие свободных, и сможет продолжать участвовать в производстве в качестве свободного. Не принуждаемый насильственно к производству материальных благ на хозяина, он мог бы также влиться в ряды царских служащих ²¹, которые помимо своей службы на царя (или храм) возделывали свой служебный надел столь же свободно, как если бы принадлежали ко внедворцовым или внехрамовым общинным структурам. Иное дело эксплуатируемый средневекового общества: как правило, он мог переходить в лучшем случае из-под эксплуатации одного феодала под эксплуатацию другого (например, более крупного, или же церкви, или же суверена) и разве что мог еще уходить на неосвоенные земли (с Руси — на Дон, на Терек, в Сибирь); прослойка земледельцев, свободных от всякой феодальной эксплуатации, либо вовсе не существовала, либо была очень слаба. Иначе как в качестве феодально-зависимого крестьянина в средние века, как правило, не мог участвовать в производстве, так как не только суверенитет (*dominium eminens*), но и собственность на землю (в смысле *dominium directum*, хотя и не обязательно *dominium utile*) либо полностью принадлежали феодальному государству (как нередко в Азии), либо были обусловлены принадлежностью собственника к феодальному сословию, либо просто фактически принадлежали только или в подавляющем большинстве случаев отдельным феодалам. Таким образом, если в древности эксплуатация работника основывается на собственности рабовладельца на все средства производства в данном хозяйстве (включая обычно даже и собственность на работников), и если поэтому здесь необходимо внеэкономическое (насильственное) отделение работника от собственности (опять-таки на все средства производства), то в средне-

²⁰ В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс хотя и называет илотов крепостными, однако отмечает, что они не были домашними рабами, а не рабами вообще. Противоречия тут в самом деле нет. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. 20, стр. 66 и письма Энгельса к Марксу в декабре 1882.

²¹ При отсутствии развитого государственного сектора экономики он стал бы люмпен-пролетарием, как в Риме.

вековом обществе эксплуатация работника основывается, как подчеркнул нам Г. Ф. Ильин, преимущественно на собственности феодала лишь на одну главнейшее средство производства — землю, и работник сохраняет хозяйственную автономию. Здесь, как и в древности, не существует товарной экономической сделки между рабочим и хозяином, характерной для капиталистического общества, и поэтому, в противность мнению Якобсона, мы и здесь имеем дело с внеэкономической эксплуатацией; но эта внеэкономическая эксплуатация имеет здесь не столь прямой и всеобъемлющий, но часто и более косвенный характер, так как дилемма — быть рабом или свободным — не стоит более перед земледельцем. Именно в виду менее прямого характера внеэкономической эксплуатации здесь большее значение приобретает идеологическое воздействие на массы в форме идей феодальной верности, спиритуалистических религиозных догм, обещающих загробное блаженство и т. п.²²

Легко понять, что поэтому в древнем обществе — если отвлечься от определенных конкретных ситуаций — оптимальным объектом эксплуатации должен был являться раб в юридическом смысле, т. е. лицо, совершенно лишенное не только собственности на средства производства, но и признаков субъекта личности вообще, лицо, само являющееся собственностью, а в средневековом обществе, где хозяйственной инициативе самого эксплуатируемого придается большее значение, оптимальным объектом эксплуатации должен был быть крепостной, т. е. лицо, лишенное лишь свободы передвижения; как раз это обстоятельство легче всего позволяло эксплуатировать лиц, обладавших, однако, собственностью на многие средства производства и в этом отношении как бы хозяйственно автономных по отношению к господину.

Именно то обстоятельство, что раб является оптимальным объектом эксплуатации в древних обществах, приводит к тому, что учеными нашей историко-материалистической школы все эксплуатируемые невольники древнего типа, т. е. совершенно лишенные собственности на средства производства, кратко (но не вполне строго) именуются рабами. Что касается эксплуатируемых средневекового типа, то их лишь изредка, не вполне точно, именуют крепостными, чаще же, более строго, обозначают как феодально-зависимых крестьян.

Возвращаясь к двум типам эксплуатируемых людей древневосточного (скажем обобщающим образом: древнего) общества — типам, установленным И. Е. Гельбом и, менее четко, мною, — можно согласиться с тем, что первый тип представляет рабов, а второй — крепостных, но только если понимать эти термины в их юридическом смысле. Здесь нам предстоит выяснить, как эти две категории можно и нужно характеризовать и классифицировать с точки зрения их принадлежности к тому или иному

²² Здесь уместно напомнить, что такие общества с сильным рабовладельческим укладом и сильной свободной полноправной общиной, как древняя Скандинавия, Киевская Русь, ряд обществ доколониальной Африки и т. п., относятся, с нашей точки зрения, типологически к числу обществ древних, а не феодальных. Продолжительность древней эпохи могла в ряде случаев значительно сокращаться, если общество успевало рано освоить достаточно высокий уровень развития производительных сил в области промышленности, созданный его соседями. Но само собой понятно, что при некоторых специфических условиях даже и внутри поздних социально-экономических формаций могли сохраняться или возрождаться нехарактерные, относительно неустойчивые архаические уклады или, напротив, и внутри ранних социально-экономических формаций могли возникать нехарактерные уклады, типичные для более поздних времен. Примером первого (помимо рабства в Америке) могут служить квазирабовладельческие формы, которые принимал в России феодальный строй, существовавший уже в эпоху промышленного капитализма; примером второго — достаточно широкое применение наемного труда в древности, при том, однако, что отношение хозяина и наемного рабочего моделировалось по образцу отношений рабовладельца и раба.

экономическому классу, т. е. установить, каково было их отношение к другим классам общества и в особенности к собственности на средства производства.

Для сравнительной характеристики древневосточных «рабов» и древневосточных «крепостных» И. Е. Гельб устанавливает 20 дифференциальных признаков. Их можно свести к 18, так как признак № 2 по Гельбу («специфическая ономастика») не исследован и, по-видимому, не окажется дифференциальным; под № 20 («разное») Гельб ставит прочерк, а признаки № 11 и 13 по Гельбу («способы довольствования» и «способы обеспечения жильем») можно объединить (наш № 5). Кроме того, необходимо прибавить еще один кардинальный признак — «характер эксплуатации».

Однако значительно более важно другое. Совершенно недостаточно выделить какие-то любые признаки изучаемого явления — важно, чтобы эти признаки были существенными, раскрывали самый характер данного явления. Сторонники дескриптивно-структуралистического подхода к изучаемому объекту, к сожалению, слишком часто считают возможным ради формальной фиксации признаков отвлекаться от выявления фактов, собственно и характеризующих и даже образующих данное явление, как таковое, и в силу этого скорее позволяющих ставить вопросы причинно-следственные. В частности, для нас важны, во-первых, не вообще признаки изучаемой социальной категории, но прежде всего именно социально-экономические, а не внешние или второстепенные для ее экономической дефиниции. Во-вторых, существенно выделить признаки постоянные, общие для ряда однородных стран или смежных периодов; только это позволит определить, имеем ли мы дело с явлением устойчивым и типичным или же только со случайным и преходящим скоплением прелевантных признаков. И конечно, только в таком случае можно ставить вопрос о характерных особенностях целого этапа человеческой истории — социально-экономической формации.

К сожалению, выделенные И. Е. Гельбом признаки тех, кого он называет рабами (*slaves*) и крепостными (*serfs*), этим требованиям отвечают не вполне. Порядок, в котором Гельб перечисляет эти признаки, произволен, и важные помещены вперемежку с маловажными. Помимо этого хотя автор ограничивается, казалось бы, сравнительно узким отрезком времени и территорией только Нижней Месопотамии III тыс. до н. э., — однако и в этих пределах отмечаемые им признаки для той или другой из противостоящих категорий оказываются при ближайшем рассмотрении не вполне однородными в смысле их стабильности. Так, на свой вопрос № 4 («имеют ли семейную жизнь» — наш № 16) Гельб для «рабов» отвечает отрицательно, а для «крепостных» — положительно. Между тем ответ в действительности неоднозначен. За один краткий подпериод — время Лугальанды и Урунингины (XXIV в. до н. э.) — в храмовых хозяйствах Лагаша группа *šub-luga*, которая наряду с пайком получала земельные наделы (*kur*, *kurum*, *šukum*) и не только занималась производственным земледельческим трудом в храмовых хозяйствах, но и служила в военной дружине и, таким образом, несомненно, не относилась к «*slaves*» («рабам») по Гельбу, действительно имела семейную жизнь: их женщины и дети никогда самостоятельно не привлекались к труду на храм и дворец. Но группа *igi-nu-du_h*, также относящаяся к «*serfs*» («крепостным») по Гельбу, получавшая только пайки (помимо редких случаев аренды *-ur₄-lal* храмовой земли) и занятая на садовых и земледельческих работах, семейной жизни, видимо, не имела (соответствующая им группа женщин обозначается как *ge₆me* («рабыни»), довольствуется пайком по отдельным спискам и работает отдельно от мужчин непрерывно и круглого-

дично). При этом нет никаких указаний на брачные отношения между мужчинами группы *igi-nu-duh* и женщинами группы *ġemé*; отметим, что известны примеры, когда работники *igi-nu-duh* приобретались путем покупки. Точно так же *guruš*, типичные «serfs» времени III династии Ура (XXI в. до н. э.), по-видимому, семейной жизни на 90% не имели²³. Зато по ряду других признаков, причем таких, которые, во-первых, экономически наиболее существенны, а во-вторых, нередко сходны у обоих «типов» работников («slaves» и «serfs»), мы обнаруживаем тождество того, что наблюдается в Нижней Месопотамии III тыс. до н. э., с тем, что наблюдается в Египте, в Угарите, у хеттов, в Аррапхе, в Эламе и даже кое-где в странах Европы, причем не только в III, но и во II и даже в I тыс. до н. э. — в том числе и в самой Месопотамии периода, более позднего, чем III тыс. до н. э.

В свете всего сказанного нам кажется более целесообразным — если уж пытаться выделять дифференциальные признаки для различных социальных категорий эксплуатируемых трудящихся ранней древности — разместить эти признаки в порядке их важности и при этом, в целях более ясной оценки их исторической роли, разделить их на экономические, юридические и бытовые.

Кроме того, с определением некоторых признаков, как оно дается Гельбом, с нашей точки зрения, трудно согласиться, что мы и постараемся ниже показать.

Мы предлагаем следующий модифицированный список признаков эксплуатируемых работников общества ранней древности, исходя преимущественно из данных Ближнего Востока III—II тыс. до н. э.; оговорим, что сам по себе перечень признаков без постановки и по возможности решения причинно-следственных проблем и проблем того экономического механизма, частью которого являются изучаемые работники, не кажется нам достаточным для всестороннего решения вопроса о классах в ранних обществах древней формации.

Не называя пока работников, характерные признаки которых исследовались Гельбом, ни рабами, ни крепостными, обозначим их временно как тип I и тип II:

	Тип I	Тип II
<i>Экономические признаки</i>		
1. Характер эксплуатации	внеэкономический *	внеэкономический *
2. Собственность на средства производства	отсутствует	отсутствует *
3. Источник пополнения	насилованный захват	обнищание и насильственный захват *
4. Использование	в домашнем производстве *	в производстве
5. Способ довольствования питанием и жильем	обеспечиваются хозяином (питанием — в виде пайка)	обеспечиваются хозяином * (питанием — в виде пайка или условного владения наделом)
6. Продолжительность работы на хозяина	все время	все время (или часть времени) *
7. В каком хозяйстве применяются	главным образом в частном, в небольшом проценте — и в государственном	в дворцовом и храмовом *
8. [Численность]	небольшая	большая] *
9. [Профессиональные обозначения]	отсутствуют	присутствуют] *
<i>Юридические признаки</i>		
10. [Отчуждаемость]	отчуждаются	не отчуждаются или редко] *

²³ Данные о «семейной жизни» *гурушей* мне неизвестны, см. ниже, прим. к № 16.

11. Свобода передвижения	не имеют	не имеют (прикреплены к земле) *
12. Освобождение	редко, шумерск. термин du ₈ *	редко, шумерск. термин šu-bar
13. Права	ограничены	различны *
<i>Бытовые признаки</i>		
14. Этническое происхождение	чужестранцы	частично чужестранцы *
15. Клеймение	применяется	не применяется или редко
16. Семейная жизнь	отсутствует	имеется (не всегда) *
17. Отчества	не применяются	применяются редко *
18. Обозначаются терминами:	шумер. м. urdu ²⁴ (также saĝ «голова») ж. ġemé аккад. м. wardum ж. amtum хетт. = см. шумер. (идеогр.) егип. м. b3k ж. b3k.t угарит. м. 'abdu ж. 'amtu	м. lú-si и др. (Шуруппак), igi-nu-du ₈ , šub-lugala и др. (Ларам), guruš (III Ур) * ж. ġemé muskēnum, nāsi biltim (шумер. идеогр.) saĝ. ġemé.urdu м. hm.w, hm.w njš.w.t ж. hm.t м. bun(n)uš malki («люди царя»)

Примечания к таблице:

К № 1. Под «внеэкономическим принуждением к труду» понимается то обстоятельство, что трудящиеся вынуждены подчиняться эксплуатации не путем заключения товарной сделки, хотя бы и вынужденной (продажа труда), а путем прямого принуждения силой (иногда также путем идеологического воздействия). Эксплуатируемые этой категории, как правило, не имеют свободного выбора — работать ли на своих эксплуататоров или нет, независимо от того, способны ли они прокормить себя и свою семью и в таком хозяйстве, которое не зависело бы от хозяйства частного господина, дворца или храма (или от должностного лица, которому государственная земля и люди могли быть переуступлены, как это бывало в Эламе, в Касситской Вавилонии, в Хеттском царстве и особенно в Египте). Это относится в равной мере и к работникам «типа I» и «типа II».

К № 2. На этот вопрос И. Е. Гельб для «типа II» отвечает «имеется», но в данном случае он смешивает собственность с условным владением^{24а}. Как земля, так и орудия и скот выдаются работникам «типа II» из дворца или храма²⁵; если же эти работники имеют свои орудия и свой скот (для обработки участка, выдаваемого взамен пайка)²⁶,

²⁴ Также arad, irad, ̒r(e), igr — все это лишь разные транскрипции одного и того же шумерского знака.

^{24а} См. выше, прим. 17.

²⁵ См. об этом Тюменев, ГХДШ, passim; но то же известно для Аррапхи, Угарита, хеттов, спартанских илотов, критских войнцев и т. п.

²⁶ Помимо этого нередко встречаются случаи, когда эксплуатируемый работник «типа II» (особенно в более поздние периоды) имеет еще и «свое» имущество (ša ramā-ni šu) — например, у хеттов, в Новоассирийской державе, в Спарте и др. Отличительной чертой этого имущества является, однако, то обстоятельство, что оно, видимо, не используется в том хозяйстве, в котором работник подвергается эксплуатации, и не может быть отчуждено отдельно от работника иначе как самим работником. В большинстве случаев такое «свое» имущество, по-видимому, является остатком собственности работника (или его предков), не отнятого в момент его обращения в состояние илота и не обращенного в собственность господина. Но поскольку илот в отличие от «настоящего» раба не был полностью лишен свойств субъекта права, то он мог обращать «свое» имущество в капитал для приобретения другого имущества (например,

то и эти орудия и скот являются не собственностью работников, а их пекулием²⁷.

К № 3. Имеется обильный материал, показывающий происхождение работников «типа II» не только из обнищавшего местного населения, как полагает Гельб, но и из завоеванных или разграбленных местностей. Такой материал есть, например, для III династии Ура²⁸, для Хеттского царства²⁹, для Египта и др.; помимо того, и обнищавшее население, попавшее в эту категорию, в значительной мере состояло из беглецов, покинувших соседние общины (так, например, в Шуруппаке и др.)³⁰.

К № 4. На этот вопрос И. Е. Гельб для «типа I» отвечает: «в домашнем обслуживании» (domestic services). Это неверно: работники «типа I», как правило, не были дворовыми слугами, а применялись в тех видах производства, которые осуществлялись дома, что обеспечивало более легкое наблюдение за ними (помол зерна на зернотерках, уход за скотом, прядение, ткачество, варка пищи). Это в свое время очень правильно отметил Г. Ф. Ильин.

К № 5. На этот вопрос И. Е. Гельб для «типа II» отвечает: «обеспечиваются хозяином во время работы» (when employed). Это неверно. Некоторые группы работников «типа II» (igi-nu-duh, il времени I династии Лагаша, почти все giguš времени III династии Ура) получали круглогодично только о пайки. Как показал А. И. Тюменев³¹, обеспечение работника пайком или наделом зависело не от социальной категории, к которой он принадлежал, а исключительно от соображений хозяйственного удобства, например от того, работал ли он близко от центральной усадьбы дворца или далеко.

К № 6. Ср. выше прим. к № 5: часть времени работник все равно тра-

«свободной» земли) или же получать новую собственность в дар от хозяина либо, возможно, и от других лиц. Так или иначе, «своя» собственность плота не имеет касательства к тем отношениям собственности и эксплуатации, которые складываются между илотом и его господином в хозяйстве этого последнего, где оба они противостоят друг другу как лишенный собственности на применяемые средства производства обладающему такой собственностью и как эксплуатируемый путем прямого внеэкономического принуждения эксплуатирующему. Обработка хозяйской земли орудиями эксплуатируемого земледельца или уплата хозяину части продукции со «своей» земли эксплуатируемого — явления, типичные для средневековья, — здесь надежно не засвидетельствованы. Можно возразить, что илот, имеющий «свою» землю, не может отдавать все рабочее время господину. Это справедливо, но зато такой господин, вероятно, сэкономил на пайке или на наделе для прокорма своего работника, а часть рабочего времени его рабов или плотов все равно должна была идти на создание продукции для их собственного прокорма.

²⁷ Тюменев, ГХДШ, стр. 159; Дьяконов, *Muškēnum...*, стр. 44 и 46, прим. 32 (K a u s, ABB IV, № 17, 48, 54; ср. 11, 67) и др.

²⁸ Тюменев, ГХДШ, стр. 277—282.

²⁹ S. A l p, Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute, JKF I, 1960, стр. 113 сл.; D i a k o n o f f, Die hethitische Gesellschaft, стр. 341, прим. 74.

³⁰ Речь идет об uru-DU или uru-rim₄, «прибывших (присланных) в общину»; они зачислялись в «илоты» (lú-si) в качестве lú-bil uru₄-dù («новых земледельцев-пахарей»), см. A. D e i m e l, WTF 67, 70; R. J e s t i n, Sur., T 292 и др.; Дьяконов, ОГСДШ, стр. 100 сл. Против этого толкования возражает И. Ренгер (J. R e n g e r, Flucht als soziales Problem in der AB Gesellschaft, BAW, Ph.-hist. Kl., Abh. NF 75, стр. 178; 37a). Ренгер полагает, что этими терминами обозначались люди, бежавшие не в Шуруппак, а из Шуруппака. Предполагаемые Ренгером беглецы из Шуруппака действительно упоминаются в хозяйственном архиве храма, но они обозначаются другим термином, а именно lú-zah; что касается uru-rim₄ (uru-DU), то они обозначались так лишь первое время, вплоть до назначения на работу; после этого они числились как lú-si и т. п. Более подробный разбор текстов приходится сейчас оставить до другого времени. Отметим, что если значительная часть работников храмово-царского хозяйства происходила из местного общинного населения, что подчеркивал в свое время еще А. И. Тюменев, то ведь и само это хозяйство было первоначально частью хозяйства всей общины.

³¹ Тюменев, ГХДШ, стр. 157 сл.

тил на изготовление продукта для своего пропитания, в виде ли пайка или на служебном наделе.

К № 7. Работники «типа II» в частном хозяйстве, как правило, не применялись: исключение составляли уступленные государственным хозяйством хозяйству того или иного государственного служащего — ср. прим. к № 1. Напротив, работники «типа I» (преимущественно женщины) применялись и в государственных хозяйствах — где были заняты теми же видами производственного труда, какие перечислены в прим. к № 4, — а также, позднее, и в хозяйствах вельмож, если уступались им дворцом вместе со служебным или даренным наделом земли.

К № 8 и 9. Ответы на эти вопросы могут быть даже и априорно выведены из № 7 и поэтому самостоятельного значения не имеют.

К № 10. Разница ответов на вопрос № 10 для «типа I» и «типа II» прямо зависит от ответа на вопрос № 7 и поэтому самостоятельного значения не имеет.

К № 11. Вообще говоря, пояснение в скобках не совсем точно. Так, в Месопотамии работники «типа II» были прикреплены не к своему наделу, а к царскому или храмовому имению в целом и в пределах него могли свободно перебрасываться с места на место; а если имели наделы в условном владении вместо пайка, то могли перебрасываться и с надела на надел (см. просопографические данные по раннединастическому Лагашу, переписку Хаммурапи с Шамашхазиром и т. п.). Но у хеттов на участке, пожалованном служащему из государственного фонда, илот оказывался прикрепленным уже к этому участку.

К № 12. И. Е. Гельб добавляет для «типа I» еще термин *ama-ar-gi₄* (аккад. *andurārum*), имеющий, однако, и более широкое значение (типа древнееврейск. *dəgōr, jōbēl* и т. п., т. е. «передел собственности с возвращением отчужденного имущества в первоначальное правовое состояние»).

К № 13. По Гельбу права работников «типа II» — «значительные», однако оснований для такого своего заключения он не приводит. Права старовавилонских *muškēnum* были действительно значительные; о правах работников «типа II» в Двуречье III тыс. до н. э. ничего не известно; в Хеттском царстве их правовое положение не отличалось от положения работников «типа I».

К № 14. По Гельбу (и Тюменеву) ответ для «типа II» — «местное население»; но ср. прим. к № 3. Следует учесть, что «чужеземец начинался за краем города»³².

К № 16. Мне неизвестны данные о том, чтобы шумерск. *guruš* времени III династии Ура (в отличие от более ранних и более поздних работников «типа II») имели семейную жизнь; *dumu*, иногда упоминаемые рядом с *guruš* в учетных документах, по-видимому, не их «сыновья», а просто «малолетние» работники³³. Впрочем, ввиду огромного количества документов этой эпохи я мог и упустить материал, на который опирается Гельб, отвечая на данный вопрос для «типа II» положительно: «имеется».

К № 17. Отчества работников «типа II» упоминаются не только редко, но по преимуществу лишь для различения тезок; обычно же вместо отчества называется их профессия.

К № 18. И. Е. Гельб прибавляет для «типа II» в шумерское время еще термин *erīn* (*erén*). Однако *erén* означает «отряд» или «человек, принадле-

³² «L'étranger commençait au-delà de la cité», H. Limet, *L'étranger dans la société sumérienne*, BAW, Ph.-hist. Kl., Abh. NF, стр. 125.

³³ См. V. V. Struve, *Some New Data on the Organization of Labour... in Sumer*, «Ancient Mesopotamia», ed. I. M. Diakonoff, Moscow, 1969, стр. 131—132; Тюменев, ГХДШ, стр. 257 сл., 270.

жащий к отряду», и не имеет социального значения. Следует отметить, что *guruš* означает «работника типа II» только в хозяйственных документах от династии Аккаде до III династии Ура; напротив, в литературных текстах и в документах, например, из Шуруппака, *guruš* означает и «свободного гражданина»³⁴.

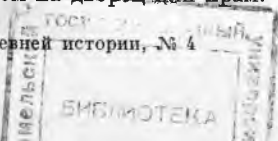
III

Таким образом, если мы разделим признаки, отличающие «работников типа I» от «работников типа II», на существенные и несущественные, то обнаружим, что разница между ними, хотя и явно наблюдается, тем не менее может быть в общем и целом признана несущественной. Прежде всего между этими двумя типами работников нет разницы в самом главном: и те и другие эксплуатировались путем внеэкономического принуждения, и те и другие были совершенно лишены собственности на средства производства; другими словами, и те и другие принадлежали к числу подневольных работников древнего типа, которых ученые нашей школы, как правило, называют рабами, понимая в данном случае этот термин в экономическом, а не в юридическом смысле. Разница же между ними определяется главным образом тем обстоятельством (на которое до сих пор не обращалось должного внимания), что «работники типа I», т. е. рабы в юридическом смысле (*slaves* по И. Е. Гельбу), применялись в тех простейших видах производства, которые были сосредоточены в доме, где за ними легко было наладить наблюдение. Работники же «типа II» (*serfs* по И. Е. Гельбу) применялись также в полеводстве и в более сложных видах ремесла и их совершенно не было в хозяйствах частных лиц³⁵ (кроме крупных вельможеских хозяйств в случае передачи туда земли и работников из государственного хозяйства). В большинстве хозяйств частных лиц в эпоху ранней древности полевые и ремесленные работы выполнялись самими хозяевами и членами их семьи. Часто несколько более свободное положение работников «типа II» и сохранение ими некоторых беспорных признаков субъектов права определялось, конечно, тем обстоятельством, что не было возможности обеспечить необходимое принуждение каждого из них в пределах обширных территорий государственных земель, для того чтобы повсюду содержать их в положении, рабском в полном, т. е. также и юридическом, смысле слова. Тем не менее тот факт, что и они, подвергаясь внеэкономической эксплуатации, были полностью лишены собственности на средства производства в тех хозяйствах, где они эксплуатировались (ибо условное и временное владение средствами производства, не носящее характера собственности, не может идти в счет), делает нежелательным применение к ним термина «крепостные»; этот термин как на Западе, так и у нас слишком тесно ассоциируется со средневековым и феодально-зависимыми крестьянами, не лишенными полностью собственности на средства производства. Между тем древние эксплуатируемые «типа II» как раз в этом решающем отношении от средневековых феодально-зависимых крестьян отличались и, напротив, сближались с рабами.

Эти древневосточные работники «типа II» являют почти точное типологическое совпадение с другой категорией «крепостных», относящихся не к средневековью, а тоже именно к древности и причисляемых к классу

³⁴ Например, *guruš-me-DU*, WTF 92, 94, 95, 101, *guruš-ki-unken kú-gar* WTF 93, 101; сюда же относятся и упоминаемые в том же архиве *guruš-uru*. См. подробнее Дьяконов, ОГСДШ, стр. 99 и 175.

³⁵ В данном случае имеются в виду как хозяйства общинников-граждан, членов семейных и территориальных общин — собственников земли, так и частные хозяйства людей дворцового или храмового персонала, не занятых непосредственно производительным трудом на дворец или храм.

рабов как самими древними³⁶, так и современными исследователями. Речь идет об и л о т а х. Во избежание ненужных терминологических споров примем за основу дефиницию илотов Э. Эндрьюса (Antony Andrewes), данную в авторитетной западной энциклопедии (Encyclopaedia Britannica, 1972 s. v. Helots); против этой дефиниции, несомненно, не станет возражать и ни один марксистский историк.

«Илоты, крепостные (serfs) древних спартанцев... Их рабский (servile) статус в исторические времена восходит к завоеванию страны уступавшими им в численности дорийцами... Они были в некотором смысле государственными рабами (state slaves), прикрепленными к земле и приписанными к отдельным спартиатам для обработки их наделов; их господа не могли их ни освободить, ни продать³⁷, и у них было ограниченное право накапливать имущество³⁸, после уплаты господам установленной доли урожая с надела... Илоты сопровождали своих господ на войну и сражались в войске³⁹ легковооруженными, а также гребцами на флоте» (далее сообщается о случаях освобождения илотов государством).

Из изложенного выше ясно, что обе категории подневольных эксплуатируемых работников древности, а именно «настоящие» рабы (тип I) и илоты (тип II), равно наблюдаются как в западной, так и в восточной древности, что и соответствует положению советской исторической школы о принципиально одинаковой экономической формации обществ древности как в Европе, так и на всех других континентах. Заметим, что илоты Спарты были далеко не единственным явлением в античном мире сравнительно раннего периода. Совершенно аналогичны пенесты в Фессалии, мвон на Крите (а также и клароты), коринефоры в Сикионе, гимнесии в Аргосе, мариандины в Гераклее Понтийской, делеги (из хетт. *Iulahhi-* из хурритского «чужеземцы») в Кари и др. Отметим также и то обстоятельство, что положение илотов вовсе не обязательно было более легким, чем положение «настоящих» рабов ранней Греции; так, в то время как шумерские илоты-*gugû* времени III династии Ура находились под полным и неограниченным произволом государственных надзирателей, современные им частные рабы (*urdu*) могли тягаться в суде со своими хозяевами; про спартанских же илотов (именно илотов!) Плутарх (Лус., XXVIII) заявляет: «Те, кто говорили, что в Лакедемонии свободный до конца свободен, а раб до конца поработен, совершенно верно определили сложившееся положение вещей». Само собой понятно, что конкретный ход сложения экономической категории илотов в Европе и в Азии (завоевание местного населения в Спарте, угон плененного населения у хеттов, бегство от природных и социальных бедствий под защиту храмов в Шумере и т. д.) не может влиять на типологическую дефиницию самой этой категории, поскольку обе категории отвечают приведенному выше нашему определению подневольных работников рабского типа, характерного для древности, постольку обе категории, с нашей точки зрения, составляют группировки внутри одного и того же социально-экономического класса.

Илоты, равно на Западе и на Востоке, относятся к государственному экономическому сектору. Почему это так, мы скажем несколько ниже, а

³⁶ Thuc., VIII, 40,2; Plato, Nom. VI, 776c—777; Strabo, VIII, V, 4; Athenaeus, VI, 263c—d, 271b—d; особенно Plut., Lucurgus. Речь идет о Спарте, Фессалии, Бизантии, Гераклее Понтийской, Ардиэе, Кари и т. п.

³⁷ [Естественно: они были собственностью спартанского государства, а не отдельных спартиатов! — И. Д.]

³⁸ [У Эндрьюса «собственность» (property). Вероятнее, надо сказать: *peculium*. — И. Д.]

³⁹ [Ср. ^{GIS} TUKUL у хеттов; Diakonoff, Die hethitische Gesellschaft, стр. 330—341.]

здесь ограничимся констатацией этого факта. Если илоты и могли передаваться в частные руки для эксплуатации⁴⁰, то обычно лишь в пользование, так что их собственником все равно оставался государственный сектор в целом (государство, дворец, царь, «бог», т. е. храм, и т. п.).

Помимо илотов, непосредственно создававших материальные блага (в старовавилонской терминологии — *nāsi biltim*), государственный сектор включал также царских служащих, профессиональных воинов, мастеров-ремесленников и т. д. Многие из них могли достичь очень высокого социального положения и по существу имели долю в доходе, получаемом от эксплуатации илотов (позже также в доходе от налогового обложения всего населения). С точки зрения официальной идеологии они только в том случае были гражданами (ср. вав. *awilum*), если имели или в потенциции могли иметь долю в земельной собственности вне государственного сектора; в противоположном случае они находились под патриархальной властью государства (ср. вав. *muškēnum*). Таким образом, в обоих экономических секторах были представлены два антагонистических класса древнего общества: как класс подневольных работников рабского типа, включавший в качестве особых группировок «настоящих» (патриархальных) рабов (главным образом, в общинно-частном секторе) и илотов (исключительно в государственном секторе), так и класс рабовладельцев, либо прямо участвовавших в собственности на средства производства (землю, скот, орудия, а нередко и на рабов), либо участвовавших в эксплуатации собственности государства; первые были рабовладельцами-гражданами, вторые — рабовладельцами на службе государства.

То бесконечное разнообразие древних обществ Запада и Востока, которое бросается в глаза всякому исследователю социально-экономических отношений и права, определяется прежде всего количественным и качественным соотношениями двух секторов (причем в наиболее крайних случаях — скажем, Коринф, Египет — один из секторов может вообще сходиться на нет); существенно также соотношение различных группировок как внутри господствующего, так и внутри эксплуатируемого класса — группировок, образовавшихся в несходных исторических, экологических и других условиях. Само собой разумеется, что возникавшие идеологические явления также оказывали воздействие на конкретное оформление социально-экономических отношений в том или ином данном обществе.

Западные исследователи часто не видят коренных различий между древним, средневековым и даже современным обществом на Востоке; при этом они ссылаются, между прочим, на незначительность технологических изменений в сельском хозяйстве — количественно ведущей области экономики как в древности, так и в средние века. Действительно, сельскохозяйственная техника, скажем, Ирака XIX в. до н. э. и XIX в. н. э. различалась, казалось бы, незначительно⁴¹. (В сущности то же самое можно сказать и о любой сельскохозяйственной области мира до эпохи внедрения механизированной техники.) И тем не менее, с тех пор как историко-материалистическая школа отвергла концепцию «вечного феодализма» на Востоке, все время накапливаются новые и новые факты, подтверждающие глубокое изменение социально-экономических отношений в течение этого огромного промежутка времени, в том числе и в Азии.

⁴⁰ Так, по О. Д. Берлеву, в Египте (*hm.w njs.w.t.*, «Рабы царя» в Египте эпохи Среднего царства», Л., 1965, стр. 4 слл.; к сожалению, на стр. 4 О. Д. Берлев смешивает собственность с владением).

⁴¹ Различие состоит преимущественно в материале (сталь вместо бронзы наряду с деревом), но не в самом типе и даже форме орудий; впрочем, основные водоподъемные сооружения, известные в Ираке вплоть до нового времени (черд, сакия и т. п.), были введены много позднее XIX в. до н. э., хотя все еще в пределах эпохи древности.

Дело в том, что закон обязательного соответствия производственных отношений уровню производительных сил сказывается прежде всего в области промышленного технологического развития, а здесь разница от этапа к этапу исторического развития оказывается весьма значительной, и уровень развития на отдельных этапах — неодинаковым.

Именно уровень промышленного развития определяет характер средств насилия, применяемых для подчинения работников эксплуатации со стороны господствующего класса⁴². Так, там, где функцию принуждения к труду должны выполнять воины, все оборонительное оружие которых состоит из шлема-шишака и примитивного щита, а все наступательное оружие — из медного копья и топорика, там невозможно принудить массу взрослых здоровых мужчин к сельскохозяйственному труду с помощью мотыг, серпов и тому подобных орудий, мало отличающихся от тогдашнего боевого оружия; это значит, что пленные мужчины должны были уничтожаться, а уводились почти только женщины и дети; для побуждения невольников к труду нужно было дать им либо минимальную свободу хозяйствования на себя (илоты в крупных хозяйствах, в государственном секторе), либо включить их в самую хозяйствующую семью (патриархальные рабы). Поэтому так называемые «настоящие» рабы (slaves) древнего Востока III—II тыс. до н. э. почти столь же отличаются от рабов римских вилл, как и рабы-илоты (serfs) государственных хозяйств древнего Востока: первые из них — это рабы п а т р и а р х а л ь н ы е, часто «рожденные в доме» и нередко состоящие, таким образом, в фактическом родстве с членами семьи хозяина; они и заняты обычно только в тех отраслях производства, которые связаны с пребыванием в доме и не требуют наблюдения со стороны специальных надсмотрщиков; вторые могут быть заняты и полевой работой (поскольку в государственном хозяйстве нет хозяев, которые могли бы взять этот вид работы на себя лично); но именно поэтому признаки рабства оказываются для них сильно ослабленными (так, в Шумере только женщины-илотки — конечно, занятые в домашнем производстве — всегда назывались *gemé* — «рабынями»). Илоты — это эквивалент патриархальных рабов в пределах государственной собственности; их социальное положение первоначально определялось специфическими условиями крупных хозяйств.

Классическое рабство стало возможно лишь тогда, когда завоевателя-воина стало возможным вооружить стальным мечом и стрелами со стальными наконечниками, металлическими латами, поножами и таким шлемом, который целиком закрывал лицо^{42а}. Наличие в распоряжении государства даже сравнительно небольшого числа гоплитов или легионеров могло принуждать к работе десятки и сотни рабов в частных хозяйствах. Еще более изменилось положение, когда на помощь силе пришло убеждение с помощью спиритуалистических догматических религий, обещавших загробное блаженство, воин же стал закованным с ног до головы в броню пехотинцем или всадником на бронированном коне и был вооружен арбалетом или пикой, а опирался на неприступные каменные замки; теперь уже массовое крестьянское войско древности стало ненужным и оказалось возможным насильственно эксплуатировать самих общинных крестьян, обладавших собственностью на средства производства; но еще иные классовые отношения стали возможны, когда городская капиталистическая промышленность стала выпускать огнестрельное и артиллерийское оружие, уничтожившее рыцарей, и т. д.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 20, стр. 650.

^{42а} Илоты в этих условиях сохраняются пережиточно в отсталых областях.

Итак, мы пришли к выводу, что эпоха ранней древности — это эпоха патриархального рабства в малых (и больших) хозяйствах и илотии в больших; таково, как нам кажется, достаточно логичное, точное и всеобъемлющее определение данного этапа в ходе развития человечества, искусственно делить которое на «Запад» и «Восток», с нашей точки зрения, нет причин: резкая разница, да и то не на этапе ранней древности, наблюдается лишь между крайними формами — величайшего развития общинно-частного сектора в ущерб государственному в некоторых наиболее передовых полисах Греции и Италии и величайшего развития государственного сектора в ущерб частному в Египте (в меньшей мере в Месопотамии, Эламе). То обстоятельство, что в первом случае крайние формы наблюдаются на Западе, а во втором — на Востоке (если Египет считать расположенным восточнее, скажем, Ольвии — «плохая география, но зато какая смелая поэзия!»), не дает нам право абсолютизировать общественные различия между Западом в о о б щ е и Востоком в о о б щ е, ибо промежуточные формы имелись одинаково и на Западе, и на Востоке. Точно так же нет никакой необходимости возрождать отброшенный еще самими основателями историко-материалистического метода термин «азиатский способ производства», ибо, кажется, даже сторонники этого термина согласились в том, что он и не азиатский вовсе, а многие полагают, что он и не способ производства, а лишь некая переходная ступень между различными более четко определенными этапами развития человечества; к тому же две длительные дискуссии об азиатском способе производства так и не привели к ясности в вопросе о том, какой же класс при нем эксплуатирует и кого, и на каких отношениях классов этого общества к собственности на средства производства базируется эта эксплуатация.

IV

В настоящем исследовании мы совершенно не будем касаться ни долгового и кабального рабства (как временного, так и вечного), ни скрытого рабства под видом «воспомоществования в нужде», ни других побочных и непрямых форм эксплуатации рабовладельческого типа, поскольку мы заняты сейчас не вопросом о конкретном происхождении той или иной группы эксплуатируемых (как ни важен этот вопрос и как он ни заслуживает специального исследования), а типологической характеристикой основных группировок эксплуатируемых подневольных работников древности. Поэтому, не входя в подробности рассмотрения всех разновидностей работников, относящихся к этому типу, будет нелишним в заключение этой статьи постараться яснее определить и показать на примерах, что же именно такое есть в целом п а т р и а р х а л ь н о е рабство и чем оно отличается от классического рабства (*chattel slavery*).

Выступая по моему докладу на XVIII Международной ассириологической встрече, И. Е. Гельб⁴³ отметил, что мое утверждение, согласно которому рабы ранней восточной древности были по преимуществу детьми рабынь, рожденными в доме рабовладельца от самого этого рабовладельца (или члена его семьи, или другого рабовладельца), хотя пока и не подтверждено мною ссылкой на факты и нуждается в специальном исследовании и в проверке, тем не менее представляется ему весьма вероятным: как он полагает, мое утверждение сводится к тому, что рабы не воспроизводят самих себя в биологическом смысле, на что издавна и, по его признанию, справедливо указывала марксистская наука и в чем он сам мог

⁴³ BAW, Ph.-hist. Kl., Abh. NF 75, стр. 50—51.

убедиться при изучении как античного рабства, так и рабства в южных штатах. Гельб прибавил, что характерной чертой раба по наблюдениям древнегреческих авторов было отсутствие у него *ἀρετή*, что, по его сведениям, в данном случае надо переводить как «мужская способность» (virility).

По отношению к классическим рабам так оно, вероятно, нередко и было, и причиной являлись неблагоприятные психофизиологические условия, которые создавались в результате разрушения дома и уничтожения близких пленника, а затем каторжных условий его содержания у господина. Но «несамовоспроизводимость» патриархальных рабов зависела вовсе не обязательно от этих причин.

Детальные исследования древней переднеазиатской торговли в работах Б. Ландсбергера⁴⁴, Ю. Леви⁴⁵, В. Ф. Лееманса, П. Гарелли, Н. Б. Янковской, А. Л. Опшенгейма⁴⁶ показали, что работорговля на международном рынке III—II тыс. до н. э. почти не существовало. Никакая свободная община древности нормально не продавала своих членов в рабство за рубеж: она могла перепродавать рабов, изначально же рабами можно было стать только в результате военного насилия⁴⁷. Правда, в нашем распоряжении есть довольно ранние сведения об угоне из походов значительного числа пленных мужчин наряду с еще более массовым их истреблением (в Нижней Месопотамии — с династии Аккаде, XXIII в. до н. э., в Египте — еще ранее; у хеттов, ассирийцев и т. п. — с середины II тыс. до н. э.). Но у нас не только нет сведений об обращении их в древних подневольных работников «типа I» (slaves, рабов в узком, юридическом смысле слова), но, напротив, есть определенные данные о том, что эти люди в основном обращались в древних подневольных работников «типа II», т. е. плотов⁴⁸. Таким образом, можно с достаточной мерой достоверности сказать, что собственно рабы (тип I, slaves), если иметь в виду мужчин, вовсе не приобретались в интересующее нас время из-за рубежа ни путем военного насилия, ни путем покупки или приобретались лишь в незначительном числе. Хорошо известно, что ни шумерская идеограмма *nam.га* («добыча»), применявшаяся хеттами для своего термина *arnuwales*, а аккадская *šallatu* («добыча») не означали собственно военнопленных, а в основном — угнанное завоевателями мирное население⁴⁹; при этом — если судить, по крайней мере, по несколько более поздним сведениям — не способные перенести тяжести пути старики и

⁴⁴ В. L a n d s b e r g e r, Assyrische Handelskolonien in Kleinasien, Der AO, 24/4, 1925, стр. 1—34.

⁴⁵ Разбросаны во многих десятках статей; см. библиографию в книге П. Гарелли (след. прим.).

⁴⁶ W. F. L e e m a n s, The Old-Babylonian Merchant, Leiden, 1950; он же, Foreign Trade in the Old Babylonian Period, Leiden, 1960; он же, Old Babylonian Letters and Economic History, JESHO, XI, 1968, стр. 171—226; P. G a r e l l i, Les assyriens en Cappadoce, P., 1963; Н. Б. Я н к о в с к а я, Клинописные тексты из Кюльтепе в собраниях СССР, М., 1968; А. Л. О р р е н х е й м, The Seafaring Merchants at Ur, JAOS, 74, 1, 1959, стр. 1 слл.; он же, Trade in the Ancient Near East, V International Congress of Economic History, Moscow, 1970 (preprint).

⁴⁷ Лишь во внутривидовом обмене мы встречаемся с работорговлей, равно как с попытками вовлечь в оборот землю.

⁴⁸ Для времени династии Аккаде и III династии Ура это наглядно показано А. И. Тюменевым (ГХДШ, стр. 203, 276—280); для хеттов сводные данные (по С. Алпу и А. Гётце) см. D i a k o n o f f, Die hethitische Gesellschaft, стр. 363—364; для Египта см. И. С. К а ц н е л с о н, Характер войны и рабовладение в Египте ..., ВДИ, 1951, № 3, стр. 40—54; И. М. Л у р ь е, Рабы — держатели храмовой земли, ВДИ, 1955, № 1, стр. 16—26; «Всемирная история», т. I, стр. 334 сл., М., 1955 (Ю. Я. Перелешкин).

⁴⁹ См. S. A l p, Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute, JKF, I, 1950, стр. 113—118; И. М. Д ь я к о н о в, К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ, 1952, № 1, стр. 91—94.

дети умерщвлялись⁵⁰, а так как мужчины-воины были уже ранее в другом месте либо убиты в бою, либо (реже) взяты в плен, то ясно, что среди угоняемых должны были преобладать женщины; именно пленные женщины и составляли основную массу чужестранного по происхождению подневольного рабочего населения; в больших хозяйствах были помимо рабынь и их детей также пленники, пополнявшие число илотов-мужчин, но в более мелких хозяйствах (как на общинных, так и на служебных наделах) рабы-мужчины по необходимости должны были пополняться за счет рожденных в доме, так как здесь невозможно было ни обеспечить надлежащий надзор за пленным воином, ни, с другой стороны, создать для него сносные условия существования, что было возможно для дворца или храма.

Подходя к вопросу о происхождении рожденных в доме рабов, мы поневоле вступаем в область, которая, как правило, не может быть отражена в документах хозяйственной и юридической практики; это область повседневного быта, и здесь мы принуждены пользоваться преимущественно нарративными источниками. Но повесть и роман тогда еще не народились, сказка — по крайней мере в записанной (стихотворной) форме⁵¹ — известна была преимущественно мифологического содержания, а военные эпические песни представлены для всего Ближнего Востока III—II тыс. до н. э. лишь коротенькой дружинной песнью о Гильгамеше и Аге⁵², да еще отрывком об убийстве Сисары Иаилью из эпоса о Бараке и Деборе⁵³; и они почти не содержат сцен повседневного быта.

Существуют, правда, аналогии из нарративной литературы периферийных, хронологически несколько более поздних, но типологически достаточно близких обществ. Так, читая «Илиаду», можно заметить, что поголовное истребление мужчин побежденного города, способных носить оружие (кроме случаев, когда можно было рассчитывать на их выкуп родичами), а также стариков и детей, неспособных переносить тяготы угона, было столь же само собой разумеющейся чертой нравов, как и то, что всякий мужчина из числа победителей непременно спал с пленными женщинами, доставшимися ему при дележе добычи⁵⁴; ничего иного не ждали ни жены и дети побежденных, ни жены и дети победителей. В точности то же самое встречаем мы и в повествованиях Библии, относящихся к нравам конца II — начала I тыс. до н. э.⁵⁵

⁵⁰ См. Дьяконов, РЗОА, стр. 103 (к документу C. H. W. Johns, ADB, № 5), ср. Кн. Наума, 3 : 7—10; Псалом 137 : 9. Ср. также судьбу Гектора сына Астианакта. Об умерщвлении стариков прямых сведений нет, но известно, что чстощенные рабы и рабыни не находили сбыта, см. F. R. K a u s, Briefe aus dem British Museum, ABB I, Leiden, 1964, № 39. Но даже если старики и дети не умерщвлялись, они должны были во множестве погибать в дороге. В XIX в. дружественное Соединенным Штатам и грамотное, имевшее свою типографию племя чероки при его «мирном» переселении по договору (!) из Тенесси, Джорджии и Каролины в Оклахому потеряло четверть своего состава; известны более поздние аналогичные примеры. См. M. L. W a r d e l l, A Political History of the Cherokee Nation, N. Y., 1938.

⁵¹ О сказочном жанре в Месопотамии см. V. A f a n a s i e v a, Gilgamesh and Enkidu in Glyptic Art and in Epics, «Klio», LIII [1971], стр. 68—71. Общеизвестные древнеегипетские сказки были также стихотворными: G. F e c h t, Mitteilung über Untersuchungen zur altägyptischen Metrik, «XXV Международный конгресс востоковедов», I, M., 1962, стр. 165.

⁵² S. N. K r a m e r, Gilgamesh and Agga, AJA, I, 1949, стр. 1 слл.; поправки: Th. J a s o b s e n, ZA, 18 (52), 1957, стр. 105. Сюда, конечно, нельзя относить победные надписи и гимны царям — жанры, очень далекие от воспроизведения быта.

⁵³ Кн. Судей, 5. Непристойное выражение, употребленное в ст. 5 : 30 матерью Сисары в отношении женщин (только женщин!), оживаемых в качестве добычи после похода Сисары, не оставляет сомнения в том, что пленницы предназначались для сожительства с воинами.

⁵⁴ См. «Илиада», А, 364—369, ср. А, 29—31 и 122—129; В, 354—355; речь Андромахи, Z, 411—427, и ответ Гектора, 448—465, и мн. др.

⁵⁵ См. выше прим. 50, а также Кн. Чисел, 31 : 15—19; Судей, 8 : 17, 31; 9 : 1, 18; II Царств, 8 : 2. Особенно поучительна история об изнасиловании наложницы

Для иллюстрации нашего положения о происхождении рожденных в доме рабов в сущности достаточно было бы и этих аналогий. Однако тщательный просмотр и древневосточной юридической и особенно эпистолярной литературы также II тыс. до н. э. вполне подтверждает его. Так из права господина на сожительство с рабынями как из само собой разумеющегося исходят все древние ближневосточные законодательства⁵⁶; они расходятся только в одном: может ли рабовладелец спать одновременно с матерью и дочерью, а также отец и сын (рабовладельцы) — с одной и той же рабыней⁵⁷. По ассирийским законам рабыня, являющаяся наложницей хозяина, называется не просто рабыней (*amtu*), но именно пленницей (*esirtu*; этот же термин в виде аккадограммы известен и хеттам). Ясно, что в этих условиях — и особенно учитывая то обстоятельство, что пленных рабов-мужчин было мало⁵⁸, да и те были в значительной мере лишены *ἀρετή*, — новые рабы, рожденные в доме (а число рабов и рабынь в частных хозяйствах, например старовавилонского времени, было примерно одинаковым), несомненно должны были в действительности чаще всего являться побочными детьми рабовладельцев. О сожительстве господина с рабыней неоднократно упоминается в староассирийских и старовавилонских письмах⁵⁹.

некоего левита вениаминитянами в г. Гибеа и ее смерти; в Кн. Судей, 19 : 19, эта наложница (*plāgās*) прямо названа рабыней (*'ama*); при этом известно, что она изменила господину и четыре месяца жила вне его дома (19 : 2), но он позже примирился с нею; в Кн. Судей, 20 : 4, этот левит назван ее мужем (или «мужчиной», *'is*) и гибель ее оказывается достаточным поводом для войны всего племенного союза против племени вениамин. Однако в этой войне были перебиты только мужчины (*matim*, var. *me'ir matom*, 20 : 48), причем, очевидно, женщины были обращены в рабство, так как когда обнаружилось, что часть мужчин племени вениамин осталась в живых, то для них пришлось обеспечивать девушек уже из числа других племен, опять-таки предварительно перебив их мужчин и замужних женщин (Кн. Судей, 21 : 11—12, 21). И в старой Вавилонии похищение врагами любимой рабыни вызывало письменное соболезнование друзей господину (K r a u s, Briefe aus dem British Museum, ABB I, № 54).

⁵⁶ Характерно, что в Ассирии свободная девушка, побывавшая в кабальном рабстве (как залог за долги отца), приравнивалась законом к потерявшей невинность (САЗ, А, § 55), хотя в письменных сделках в ряде случаев старались специально оговорить, что кредитору или лицу, выкупившему для работы на себя дочь неоплатного должника, сожительство с нею запрещается, т. е. ему вменяется в обязанность обращаться с ней как со свободной гражданкой (таким образом, положение несвободной гражданки означало ее *ipso* право господина сожительствовать с ней, см. И. М. Дьяконов, Этнос и социальное деление в Ассирии, СВ, 1958, № 6, стр. 50—51 — к документам КАА, 7; 167; AASOR, XVI, 42). О сожительстве с рабынями за древневосточным законодательством см. также ЗЛИ § 25—26; ЗХ § 119, 146—147, 170—171; ср. Кн. Бытия, 16 : 1—2; 25 : 6. Если Кн. Иисуса Навина говорит о полном истреблении всего населения обоего пола в ханаанейских городах (свидетельство, которое, судя по лингвистическим и отчасти археологическим данным, не может полностью соответствовать действительности), то это связано с тем, что, как предполагалось, божество «обетовало» Ханаан завоевателям. Более показателен другой случай (Кн. Чисел, 31 : 9), когда воины истребляют всех вражеских мужчин, но забирают в плен женщин с малолетними детьми. Правда, в дальнейшем, ввиду «магической вины» данного враждебного племени, «божество требует» умерщвления также женщин и мальчиков, однако и в этом случае девушки оставляются в живых для воинов, 31 : 15—19.

⁵⁷ Так, Хеттские законы, § 194, а также 200а (об *arnuwalēs*), разрешают это, но Кн. Левит, 19 : 17 запрещает одновременное сожительство с матерью и дочерью, и ср. также Кн. Левит, 18 : 7 и 18 : 17 (где выражение *gallōt 'arwat 'abika* подразумевает, между прочим, и сожительство с сожительницей отца, ср. 18 : 8).

⁵⁸ Здесь речь не идет о тех, кого селили на государственных землях в качестве илотов.

⁵⁹ В староассирийских: см. P. G a r e l l i, Les assyriens en Cappadoce, стр. 165, прим. 1 и 166, прим. 1 (особенно документ KTS 13 b: 15 — переписка купца со своей сожительницей-рабыней, *amtu*); в старовавилонских см., например, P. K r a u s, ABB VAS, II, Lpz, 1932, стр. 14, 24 сл. : *aš-šum SAG.GEME ša ta-aš-pu-ra-am šum-ma wi-li-id E li iš-pa-ra-at ša-am-ši* «что касается рабыни, о которой ты писал мне, то если она — рожденная в доме и умеет ткать, то купи ее».

Заметим, что хотя чужестранный раб мог цениться в известном смысле выше собственного кабального сородича, поскольку был лишен защиты своих однообщинников⁶⁰, однако, с другой стороны, у нас есть свидетельства о том, что раб, рожденный в доме (даже чужом), ценился выше купленного или пригнанного из-за рубежа⁶¹.

Хотя сын рабыни от свободного по большинству местных правовых систем считался рабом (в государственном хозяйстве он становился не «настоящим» рабом, а илотом на общем основании — по крайней мере, в Месопотамии III тыс. до н. э.), закон очень облегчал узаконение детей, рожденных от собственной рабыни⁶², причем освобожденный раб мог становиться полноправным гражданином, хотя обычно и оставался — наряду с законными детьми — в патриархальной власти главы семьи⁶³. Характерно, что других способов манумиссии раба, помимо его усыновления, по-видимому, нормально не существовало; поэтому отцу освободить из рабства своего сына, рожденного ему не своей рабыней, было сложно. В этом отношении любопытен уникальный документ из Ура UET V 191 (1757 г. до н. э.), по которому законные сыновья выкупают на волю (в обмен на другого раба) своего единокровного брата — взрослого сына их покойного отца от рабыни их дяди (брата отца). Дело решается в присутствии «товарищеского суда» в составе всего основного персонала храма, где служил их отец и где служат старшие из сыновей, — от верховного жреца до цирюльника и посыльного. Уникальность этого документа и сложности, которыми была обставлена процедура выкупа, указывают на то, что освобождение из рабства детей не своей собственной рабыни противоречило обычаю (иногда сожительство с чужой рабыней даже преследовалось)⁶⁴, но трудно тем не менее сомневаться в том, что случаи такого сожительства были достаточно частым бытовым явлением.

⁶⁰ J a n k o w s k a, Extended Family Commune..., стр. 250—251. Заметим, однако, что за невью или бегство раба-соотечественника в Аппахе требовали хотя и рабов-чужеземцев, но не в равном, а в большем числе. Аналогично в письме (K g a u s, Briefe aus dem British Museum (ABB I), № 27, 34—39), где работорговец Авиль-Адад отказывается взять рабыню-хурритку взамен рабыни-соотечественницы, считая замену неравноценной.

⁶¹ См. прим. 59 и 66.

⁶² ЗЛИ, § 26; ЗХ, § 170; СА3 А § 41; ср. СА3 А § 40, из которого видно, что речь идет о наложице-пленной (рабыне х о з я й к и дома). Ср. также Кн. Второзакония, 21 : 9—14; Кн. Бытия, 16 : 1 слл., 21 : 9 слл.

⁶³ См. подробно В. К i e n a s t, Zu muskēnum = maula, BAW, Ph.-hist. Kl., Abh. NF 75, стр. 101 сл.; специально о переходе освобожденного раба непосредственно в свободные граждане (d u m u - u r u) при III династии Ура см. А. F a l k e n s t e i n, Die neusumerischen Gerichtsurkunden II, BAW, Ph.-hist. Kl., Abh. NF 40, München, 1956, № 74, 75, 178; в других случаях он переходил в переходное состояние dumu-gi, из которого мог быть освобожден государственными властями. Возможно, что dumu-gi означает буквально «побочный сын».

⁶⁴ По Законам Эшнуны § 33—35 ребенок рабыни принадлежит только ее хозяину; согласно § 31, за принуждение третьим лицом чужой рабыни к сожительству ее господин мог требовать от виновного возмещения. Попытки освободить своего ребенка от чужой рабыни бывали, но считались нелегальными, см. K g a u s, ABB I, № 129 (управитель обители жриц *naditum* Шамаша в Сиппаре делает чиновнику выговор за то, что он зачислил в воины некоего раба: «Он не гражданин [dumu-uru], не *авилум*, а раб *надитум* Шамаша... он рожден (вовсе) не Реп-Шамашу (своему отцу? — И. Д.), а рабом *надитум* Шамаша!»). Однако, конечно, случаи сожительства свободных с чужими рабынями, несомненно, были достаточно частыми. Дж. Дж. Финкельштейн (J. J. F i n k e l s t e i n, Sex Offences in Ancient Mesopotamia, JAOS, 86, 4 [1966], стр. 355—372) показал, что всякая древнемесопотамская девушка или женщина, появившаяся на улице с непокрытым лицом или просто без надлежащего, желательного мужского, сопровождения (ср. Кн. Бытия, 38 : 13—26), была законной добычей любого мужчины. В этих условиях рабыни, — которым, несомненно, приходилось отлучаться из хозяйского дома и которые носить покрывало не имели права (ср. СА3 А § 40), — были фактически беззащитны перед домогательствами мужчин.

Но не только родственные связи упрощали проблему побуждения патриархального раба к труду: к этому же побуждали его и условия разделения труда. В частном хозяйстве рабы и их хозяева, как правило, выполняли различные операции одного и того же производственного процесса: хозяин пахал, раб-мальчик погонял волов; за выполнение оросительной повинности отвечал глава семьи, а фактически выполнял ее иной раз свободный член семьи, а иной раз раб⁶⁵; на жатву выходили всем домом, включая рабов и рабынь⁶⁶; зерно молотли рабыни, если только они

Ср. также случаи сдачи рабынь внаем в наложницы, о чем упоминает Х. Кленгель (K l e n g e l, Soziale Aspekte..., стр. 45, прим. 33).

⁶⁵ Р. Г р и б о в, Северомесопотамский город... по текстам из Мари, «Город и торговля на древнем Востоке», Ереван, 1973, стр. 28. Любопытно письмо ВВ 143: *A. ù N. i-li-id E ar-du-ia-a ša il-ki i-šù-ù-ma-a i-a-ù ta-as-sà-na-hu-ra-ni-ni* «Разве мало А. и Х. — рожденных в доме, моих рабов, несущих повинности, что вы постоянно обращаетесь ко мне?». На самом деле А. и Х. были родными братьями автора письма (может быть, несвободными), но во всяком случае, очевидно, существовало обычное посласть своих рабов на свои собственные повинности. Точно так же посылали стариков и детей — обыкновение, против которого предупреждает Хаммурапи своего наместника, см. R. F r a n k e n a, Briefe aus dem British Museum (ABB II), Leiden, 1966, № 27 г. 2'—5'.

⁶⁶ В Кн. Руфи, гл. 2, хозяин лично не участвует в жатве, а лишь надзирает за ней, но он знатный богат (gibbôr haïil). Зато лично участвуют в производственном процессе главы и свободные члены семей в Кн. Бытия, 38 : 12—13; I Царств, 11 : 5—7 (тоже gibbôr haïil, ср. 9 : 1!); I Царств, 16 : 11; 17 : 15—18 и др. Ср. также хрестоматийный пример из «Одиссеи»: царевна Навсикая, стирающая вместе с рабынями, ζ, 20—100. Более интересны, впрочем, отношения внутри семейного хозяйства самого Одиссея: он и его жена общаются почти как с равными с доверенными рабами — нянькой Эвриклеей (например, ψ, 1—200) и «богоравным» свинопасом Эвмеем (например, λ, 1, 2; χ, 103—104), но в то же время хозяева вольны и зарубить или повесить своих рабов и рабынь, которых считают провинившимися против себя (χ, 443, 459—477). Вавилонские источники, как содержащие мало нарративного материала, дают меньше ярких картин патриархально-рабовладельческого быта (в частности, социальное положение людей, привлекаемых к жатве, обычно не указывается). Любопытный образец нравов эпохи старовавилонского патриархального рабства содержится в письмах № 51, 27, 28 и 30 в собрании АBB I (F. R. Kraus). Главное действующее лицо — некто Авиль-Адад, работоровец (он сам сообщает, что ежегодно приводит, видимо на продажу, рабынь пять). Другое действующее лицо — некая Инибшина, по-видимому, жрица-затворница (*naditu*); последняя обменялась рабынями с некой Белессуну (Бити), вероятно, тоже жрицей (из другой обители?), но та осталась недовольна новой рабыней и попросила Инибшину снова обменяться с ней. Та изъявила готовность, предупредив, однако, чтобы Бити ни в коем случае не соглашалась на выкуп рабыни, которую она ей пришлет, — ни ее, рабыни, родителями, ни третьими лицами (отсюда видно, что рабыня не была чужестранкой). Однако Бити (если мы правильно понимаем письма — они отчасти повреждены, и к тому же авторы пишут о вещах, им известных, но не всегда понятных посторонним!), получив присланную ей Инибшиной вторую рабыню, не вернула и первой. Вероятно, эта же Инибшина и есть то лицо, которое Авиль-Адад называет своей сестрой в письме к той же Белессуну (Бити): по его словам, эта сестра в прошлом году задержала для себя одну из пригнанных Авиль-Ададом рабынь, а взамен дала ему чужестранку (хурритку), которую тот признал негодной и вернул; тогда «сестра» задержала обеих рабынь, и теперь Авиль-Адад просит Белессуну похлопотать, чтобы одну рабыню ему отдали, а за другую уплатили наемную плату... за 7 лет!

Тут в дело вступает некий Белшуну. Бити и ее сестра сказали ему, что Авиль-Адад не намерен отдавать (или продавать?) ему предназначенную ему рабыню Сиппириту, а хочет вернуть ее сестре (той же Инибшине?). На самом же деле Авиль-Адад, видимо, лишь задерживал Сиппириту до выяснения всех родственно-имущественных отношений. Сам Авиль-Адад получил в наследство от покойной матери рабыню Шала-умми, но та желает принадлежать Белшуну и уверяет, что госпожа подарила ее еще при жизни именно ему. Надо полагать, что Белшуну с нею сожительствовал? Запершись в верхнем покое дома, Шала-умми, не переставая, кричала, а когда Авиль-Адад вышел из дома, спустилась, заперла наружную дверь и пять дней никого не пускала в дом. Наконец, Авиль-Адад силой вломился в дом, связал и избил Шала-умми; однако у нее нашлись защитники; они погнались за Авиль-Ададом, но в драке были побиты. После этого Авиль-Адад отправил рабыню Шала-умми к Бити, наказав наложить на нее кандалы в 2,5 кг весом и медную цепь, а затем запереть, потому что она будет рваться домой. Однако Шала-умми удалось бежать и укрыться — все у той же Иниб-

имелись в доме (растирание зерна на зернотерках было исключительно тяжелым трудом). Ремеслу рабов обучали редко⁶⁷, им занимались члены персонала государственного хозяйства или же свободные граждане-общинники.

Хотя Законы Эшнуны (§ 51—52)⁶⁸ и требуют, чтобы всякий раб, следуя через город во время угона в новое хозяйство или выходя по какому-нибудь делу за городские стены, был закован в кандалы и имел на себе шейную колодку, и хотя рабы должны были носить особую отличительную стрижку волос или на них даже накладывали клеймо, тем не менее патриархальный раб ранней древности сохранял еще обычно те или иные черты правовой личности, а при III династии Ура был даже в праве оспаривать свое рабское состояние по суду (правда, в подавляющем большинстве случаев безуспешно)⁶⁹.

шины, которая, видимо, задержала ее взамен рабыни, не возвращенной Бити. Авиль-Адад просит обеих дам выяснить отношения, но конец истории нам неизвестен. Еще в одном письме та же Белессуну (Бити) жалуется Авиль-Ададу, что тот оставил ей на три недели рабыню (на время своего путешествия), а сам не является за ней уже три месяца. Между тем рабыня оказалась воровкой; приближается праздник (видимо, праздник очищения), и если он до тех пор рабыню не заберет, то власти (обителю жриц?) удавят ее тюрбаном хозяйки как воровку, и ей, Бити, будет срам; поэтому пусть либо Авиль-Адад заберет рабыню, либо Белессуну, переодет ее и закрыв ей лицо, чтобы ее не узнали, кому-нибудь продаст. С другой стороны, в письме № 134, 13 : 21 сообщается о прибытии к автору письма доверенной рабыни с разными довольно ценными вещами; другая рабыня (№ 105) хранит провиант, и мн. др. Характерно, что обычно не позволял нанимателю бить палками и допрашивать (по другому толкованию: насилловать) нанятую им рабыню без ведома и согласия ее хозяина: ABB I (F. R. Kraus), № 18.

⁶⁷ См., например, F a l k e n s t e i n, Die neumerischen Gerichtsurkunden, I, стр. 88, прим. 53; K l e n g e l, Soziale Aspekte..., стр. 44—45; может быть, обучение раба имеется в виду в HG VI 1679, ср. также прим. 59. Но хотя рабов редко обучали более сложным ремеслам, случалось, что домашним рабам и даже рабыням иной раз давались весьма ответственные поручения — см., например, ABB I (F. R. Kraus), 88 и 134. Остается не вполне ясным положение «отроков» (*suḫāru*) и реже упоминаемых «отроковиц» (*suḫārātu*). Термин этот лишь редко может быть понят как возрастной. Они исполняли ответственные поручения своих хозяев, иногда требовавших грамотности, и имелись как у частных лиц, так и у дворца. А. Фине, специально исследовавший этот вопрос (F i n e t, Les suḫārū à Mari, BAW, Phil.-hist. Kl., Abh. NF 75, стр. 65—72), считает их свободными. Не исключено, что так обозначались в ряде случаев рабы — родичи хозяев или патриархально-зависимые вольноотпущенники, ср. ABB I (F. R. Kraus), № 24: 17... *aš-šum La-te-gi* ¹⁸*te₂-mi ga-am-ra-am* ¹⁹*ta-ta-ma-ar* ²⁰*ki-ma sū-ḫa-ru* ²¹*šu-ū* ²²*ma-ri-i* ²³*ta-ta-ma-ar* ²⁴*šum-ma E.GAL-lum-ma* ²⁵*la iq-bi šu-[ú]* ²⁶*a-na wu-šu-ri-im mi-nu* ²⁷*sū-ḫa-ru ša-lu la tu-wa-ša-ra-aš-šu* ²⁸*i-na-an-na šī-ta-al-ma sū-ḫa-ru* ²⁹*ša-tu wu-še-ra-aš-šu e-bu-ru* «Про Латеги ты (теперь) знаешь все; ты выяснил, что он — *suḫāru*, мой (родной) сын; если только дворец не прикажет (иначе), то он — *suḫāru* (и предназначен) для освобождения. Что же ты этого *suḫāru* не освобождаешь? Теперь посоветуйся и отпусти этого *suḫāru*: (ведь урожай (настал)!» Однако в других случаях термин *suḫāru*, *suḫartu* применяется попросту к обыкновенным, рядовым рабам. Так, согласно уже цитированному письму ABB I, 30 (тому самому, где речь идет о рабине-воровке), рабыня (*sag.gemé = amtu*) безразлично называется тут же и отроковицей (*suḫartu*), хотя по контексту не видно, чтобы она была девочкой. Скорее всего, *suḫāru*, *suḫartu* — это «слуга, служанка, приближенный к хозяину или хозяйке в силу характера своей службы или личных отношений», поэтому — часто связанные с хозяевами кровным родством или вольноотпущенные (вольнонаемные?), но нормально все же рабы.

⁶⁸ См. также ABB I (F. R. Kraus) № 27, 39. Однако оба эти случая — исключительные.

⁶⁹ В кн. F a l k e n s t e i n, Die neumerischen Gerichtsurkunden, II опубликовано 18 документов о судебных процессах, в которых рабы или рабыни оспаривали свое рабское состояние; ни одно дело ими не было выиграно. Однако рабы этого же времени (III династия Ура, XXI в. до н. э.) все же еще могли свидетельствовать в суде и, будучи стороной в процессе, отводить свидетелей, вступать в брак, в том числе со свободной, и иметь пекулий, иногда достаточный, чтобы выкупиться на свободу (F a l k e n s t e i n, там же, стр. 86—87). Но в целом положение рабов этого времени было тяжелым, на что указывают многочисленные случаи бегства; конкубинат рабовладельца с рабыней встречался явно чаще, чем браки между рабом и рабыней. Боль-

Патриархальный раб — член семьи своего хозяина. И других членов патриархальной семьи ее глава может подвергать телесным наказаниям, сдавать внаем и в заклад, а иногда и продавать. Но раб отличается от прочих членов семьи, тоже находящихся в патриархальной власти ее главы, во-первых, тем, что раб, за редкими исключениями (рабыня, родившая господину детей), отчуждаем вполне свободно; во-вторых, тем, что эта патриархальная власть для раба является пожизненной и не смягчается бытовыми обычаями, определяющими характер отношений между родителями и детьми; в-третьих, в производственном процессе, в котором занята семья, патриархальному рабу чаще всего поручаются не только наиболее тяжелые операции, но и по преимуществу те, которые сосредоточены в доме или происходят под непосредственным наблюдением остальных членов семейной общины. Однако же патриархальный раб — это, хотя и бесправный, член семейной общины как производственного коллектива и составляет его органическую часть; именно этим он прежде всего и отличается от классического раба; принадлежность последнего к familia является уже не более как юридическим пережитком, внешней оболочкой, за которой скрывается то, что этот раб противостоит семье господина и как его собственность, и как товар и уже не участвует в общем с хозяевами производственном процессе.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что эквивалент патриархального раба в составе государственной (и вообще крупной) собственности — илот должен был иметь условия для труда в среднем по крайней мере не худшие, чем патриархальный раб, ибо побуждать его к работе и надзирать за ним было гораздо труднее и, кроме того, он был обязан выполнять и такие трудовые операции, которые домашним рабам не поручались. Тем не менее и он, подобно домашнему рабу, находился под патриархальной властью «дома»: как известно, на древнем Ближнем Востоке «домом» назывались одинаково и дом частного лица (семейная община) или государственного служащего (его индивидуальное хозяйство), и «дом бога» — храм, и «большой дом» — дворец⁷⁰; поэтому все, чем илот или «настоящий» раб владеет в пределах этого «дома» (или его части, пожалованной в пользование или как дар государственному служащему), — не его собственность, а лишь пекулий⁷¹. Положение илотов ранней древности на Востоке уже не раз детально исследовалось⁷². Для нас было важно показать, что те непосредственные производители материальных благ на древнем Востоке, которые находились в государственной собственности, во-первых, не специфичны для Востока, а относятся к хорошо известной и на Западе категории илотов.

шинство попадало в рабство в результате самопродажи или продажи родителями, а также за преступления (свои или главы семьи), реже покупались или захватывались за рубежом. По недееспособности раб приравнялся к патриархально-подвластному сыну свободного согласно § 7 3X. Права раба — ср. 3X §§ 175 — 176, 205, 282.

⁷⁰ Gelb, Social Stratification..., стр. 225; он же, Approaches to the Study of Ancient Society, JAOS, 87, 1, 1967, стр. 5. Ср. Jankowska, Communal Self-Government..., стр. 279 — «большой дом» (E. GAL) как центр крупного семейно-общинного хозяйства у хурритов.

⁷¹ Даже у наименее «рабоподобного» из илотов древнего Востока — *muškēnum* Законов Хаммурапи (однако см. о типологическом подобии его хеттским «головам рабынь и рабов», *sağ.gemé.urdu: Diakonoff, Die hethitische Gesellschaft*, стр. 341, 362) имущество хотя и охраняется законом, но лишь в связи с имуществом дворца, как бы его часть. Ср. Законы Эшнуны, § 34—34 и особенно § 50; 3X, § 8 и т. п. См. об этом ЗВАХ, I, стр. 265 сл.; Diakonoff, On the Structure..., стр. 24—29.

⁷² См. Тюменев, ГХДШ, *passim*; Дьяконов, *Muškenum...*, стр. 37—62.

и, во-вторых, что илоты и рабы составляли лишь две прослойки одного и того же социально-экономического класса: их различия в конечном счете определяются существованием двух экономических секторов в пределах единого способа производства древности.

SLAVES, HELOTS AND SERFS IN EARLY ANTIQUITY

by I. M. Diakonoff

Near Eastern societies of the 3rd and 2nd millennia B. C. had usually two economic sectors with two distinct forms of property, viz., (1) a «state sector» including both large economies which belonged to the palace or the temples, or were ceded to certain dignitaries, and small parcels allotted from the state land to royal and temple servants; and (2) a «communal sector» including small economies on land which was the private property of the community members.

It appears that there were also two types of unfree labourers whom I. J. Gelb calls 'slaves' and 'serfs'. This terminology is acceptable in case we understand the terms as referring only to the legal status of the labourers in question. However, it is necessary to find out to what socio-economic class they belonged, i. e. in what relation they stood to the other social classes and especially to property in means of production.

To compare the so-called 'slaves' and 'serfs' in Ancient Mesopotamia of the 3rd millennium B. C., Gelb has compiled a list of differential features which characterize the two types of unfree labourers. We suggest that this list should be modified (a) by introducing the important feature of the *form of exploitation*, (b) by using data not only from Early Mesopotamia but also from other Near Eastern societies of the 3rd-2nd millennia B. C., and (c) by bracketing the features together into three groups, viz., economic features, legal features, and features relating to *mores*. It seems that (1) the economic features are either identical for both groups (non-economic forms of coercion, no property whatever in means of production), or at least similar (sources of labour power, its use in the process of production, methods of providing the labourers with food and housing); (2) the legal features are also to a certain extent identical (both groups have no freedom of movement and are very rarely manumitted). It is true that the 'slaves' were often sold, etc., while the 'serfs' were not. (3) As to the features characterizing *mores*, there is a clear-cut difference between the two groups (thus, the 'serfs' may have a family life and, instead of rations, receive small plots of land, although not as their property); but here also there are similarities (thus, the term denoting 'slave' and especially 'slave-woman' was sometimes applied also to 'serfs'; like the 'slaves', the 'serfs' were often of an ethnically alien origin). It is shown that the difference between the so-called 'slaves' and 'serfs' was exclusively due to the specific conditions of production on the big estates typical of the «state sector», on the one hand, and in the small economies on the other. Only the «state sector» had to employ 'serfs' (and that was the reason why they were inalienable), while the small economies could employ slaves of the patriarchal type along with free labour. Thus both Gelb's 'slaves' and his 'serfs' belonged to the same socio-economic class, i. e. to the class of ancient exploited labourers who were coerced by non-economic means and had no kind of property in means of production. Further, it is shown that these same two types of labourers were typical not only of the Ancient East but of the Ancient West as well, the Spartan *helots* being the most characteristic but by no means a unique example; the fact that they were ceded by their proprietor, the state, to individual Spartiates, has its analogies in the Orient (Asia Minor, Egypt). It is also pointed out that the 'serfs' of antiquity (i. e. *helots*) differ from medieval dependant peasants, and that the use of the term 'serfs' in reference to a part of the ancient labouring class should be avoided.

In conclusion, Babylonian, Biblical and Homeric examples are cited to show the difference between the 'classical' and the 'patriarchal' slaves; typical of patriarchal slavery is the killing of male prisoners of war and the cohabitation of the slave-owners with the female prisoners.